

А. Вустманн

Марбу

Шутешествия
Шриключения
Фантастика

Э. Вустманн
Марбу

Государственное издательство
географической литературы
— Москва — 1960 —

ERICH WUSTMANN
MARBU
RADEBEUL UND BERLIN, 1954

Перевод с немецкого
К. Г. ХОЛИНА

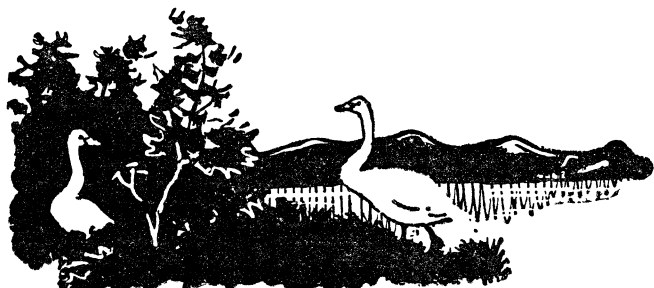
Послесловие и примечания
В. И. ОСМОЛОВСКОЙ

Эрих Вустмани (родился в 1907 г.) — один из любимейших немецких писателей. Он провел многие годы в скандинавских странах, главным образом в Северной Финляндии, изучая быт и нравы северных народов.

Эта книга, как и другие его произведения, проникнута большой любовью к природе, к животным, к простым, суровым людям Севера. Марбу — медвежонок, о жизни которого Вустмани рассказывает увлекательно и просто.

Книга издана в 1954 году в Германской Демократической Республике, где живет автор.

Оформление художника
Г. Е. НИКОЛЬСКОГО

Было запретное для охоты время, морошка созрела на болотах, у молодых ржанок начинался первый вылет, и солнце в это время года безжалостно жгло благословенную комарами северофинскую тундuru¹. Ночи были такие светлые, что трудно разобраться, где ночь, а где день. Я знаю лишь, что мои часы не шли уже восемь дней.

Один-одинешенек бродил я вокруг, искал медвежьи следы и воображал, что мне сразу же удастся понаблюдать за медведицей, много раз появлявшейся в этих местах, или поснимать ее на кинопленку.

Хейка, пожилой охотник, помогал мне в этом, но он все лето работал на лесопильном заводе и должен был заниматься более существенными делами, чем погоня за медведицей. Тем не менее я поселился в своей бревенчатой избушке, жил у озера и отсюда предпринимал далекие походы по краю. Как всегда во время своих

¹ Тундра. В дальнейшем автор часто объединяет понятия тундры и северной тайги.

путешествий, так и на этот раз, я занимался этнологическими, зоологическими и ботаническими исследованиями, вел наблюдения за животными, изучал быт и нравы народа, писал и старался выполнить различные пожелания некоторых музеев и институтов. За этой работой я забыл в конце концов про медвежьи следы.

Лес давал приют множеству зверей, хотя в течение дня едва ли в нем можно было увидеть даже зайца. Кто шел в него неосторожно, тот находил его будто вымершим. Мы же, охотники и лесные жители, ходим так тихо, что не затрещит сучок под ногой, а иногда и задерживаем дыхание, чтобы нас не услышали. Только так и можно понаблюдать за жизнью животных вокруг.

Нигде не было видно ни одного человеческого следа. Поселенцы обрабатывали землю, прилегающую к дорогам, и редко заходили в этот безграничный глухой край, где, казалось, водились одни лишь проклятые комары. За несколько недель не выпало ни капли дождя, болота высыхали.

Моя избушка была невелика, она скорее напоминала временное пристанище простого нетребовательного человека. Ее построил Хейка. Он обтесал топором бревна, заткнул щели мхом, а крышу сделал из торфа.

Только в одном месте я мог стоять в ней не касаясь головой бревенчатого потолка. Но я и без того сидел у окна и писал, или лежал на кровати, устланной удивительно мягким мхом. Стол, два ящика, служившие нам стульями, и один ящик побольше, похожий на шкаф, составляли всю обстановку избушки, а очаг обеспечивал ее теплом и дымом. Дым был мне крайне необходим, чтобы прогонять комаров.

В дымоходе висели лососи и форели, поэтому от меня, как и от избушки, пахло дымом и копченым жиром. Иногда к этим запахам примешивались другие, например запах дегтя, которым я натирал лицо и руки, чтобы защититься от комаров во время рыбной ловли, или жира и дегтя, которым я смазывал финские сапоги, чтобы они становились непромокаемыми. Когда я препарировал птиц, то пахло еще и спиртом. Время от времени я «прихорашивался» на местный манер — начищал свою кожаную одежду, и запах от меня раз-

носился даже на десять метров против ветра. Так пахнет от каждого человека, находящегося в глуши, если он долгое время бывает на воздухе и не хочет поддаваться комарам.

Продовольствие мое было хорошее и разнообразное, к тому же дешевое и простое в приготовлении.

Хлеб я, конечно, носил издалека, и поэтому он был почти всегда старый и черствый, но, вероятно, никто не ел более свежего копченого лосося. Рыбы было очень много, и мне приходилось постоянно отбирать только самую лучшую для варки и копчения. Озерные форели, провисев в дыму один лишь день, становились такими нежными, что буквально таяли во рту. Кроме того, у меня были вяленая оленина — настоящий деликатес, если ее поджарить на вертеле, морошка и сгущенное молоко. При таком обеспечении я мог продержаться недели. Единственное огорчение доставляло мне одиночество.

Я часто бывал один, занимался своей работой и радовался возвращению в населенные места — ведь бывают же часы, когда человек не хочет оставаться одиноким. У меня не было даже собаки, которая могла бы меня сопровождать. Когда я приходил домой с лососем, никто не радовался моей добыче, никто одобрительно не смотрел на выполненную работу. Это меня вовсе не раздражало, просто иногда приходило в голову.

Естественно, что Хейка поставил свою избушку там, где он мог ловить рыбу и охотиться. Лес должен быть недалеко, тундра должна была начинаться сразу за дверью, а в озере полагалось всегда быть рыбе. И вот озеро было большое, тундра, или «тундури», дика, как в первобытные времена, а тайга со своими мощными деревьями стояла черно-зеленой стеной. Благодаря этому Хейка мог хорошо прокормить семью. И не только он, здесь многие другие могли охотиться, ловить рыбу и селиться.

Никто не может сразу познать тундру, так же как и я не в состоянии описать ее в нескольких словах. Она многообразна, совсем не скучна, а если смотреть на нее со стороны избушки — даже великолепна. Озеро лежит как большой голубой глаз в пестрой оправе; хорошим шагом приходилось идти почти целый час

от одного его края до другого. По берегам стояли высокие березы и кусты ив, сквозь которые я ничего не видел, хотя они и принадлежали к полярному виду; березы же почти везде были высокие и корявые, когда-то изломанные и отмершие, они стояли вокруг дико-винно-суковатые, похожие на виселицы.

Тундра пестра благодаря листве берез, лишайникам и мхам, ягодникам и самим ягодам, которые зрели повсюду в бесчисленном множестве. Здесь не было ни клочка земли, лишённого растительности. Я находил массу различных лишайников, желтые, зеленые, коричневые, серебристые и красные мхи, разноцветные камни и растения, сплошь покрывавшие землю.

Хотя мы и называем тундру пустынной местностью, она совсем не серая и не безотрадная и скорее заслуживает названия дикой. В этой книге я буду называть ее по-разному, как придется, потому что мы все так поступаем.

Скажет Хейка «тундури», а я подразумеваю видду, потому что по ту сторону границы, в Норвегии, под видом мы понимаем возвышенную дикую местность с каменистыми склонами, болотами, озерами и поросшими кустарником равнинами.

Итак, от избышки Хейки передо мной расстилалась уединенная местность, а в полудне ходьбы начинался лес. Лучшего места для своих занятий я бы не смог выбрать. Даже вопрос с водой был разрешен, так как Хейка выкопал колодец, стенки которого не оттаивали даже летом. Да и в озере вода была такая чистая, что я мог пользоваться ею для питья.

Для исполнения всех моих желаний не хватало только медведицы, но она не появлялась. Иногда она держалась вблизи, хотя я об этом и не подозревал, чуяла избышку и остерегалась человека. Этот умный зверь делал все, чтобы скрывать свои следы; не избегал он только маленьких двуногих и женщин. Когда женщины со своими детьми заготавливали олений мох на зиму или собирали ягоды, медведица проходила мимо, даже не ускоряя шага. Если же сюда приходил охотник, то она, казалось, проваливалась сквозь землю. Моего следа тоже было достаточно, чтобы возбудить ее недоверчивость.

Однажды совсем неожиданно пришел Хейка. Он пришел в сапогах с подвернутыми голенищами, в измазанном смолой кожаном жилете, с веселой улыбкой, свежевыбритый, коричневый от загара. Никто не дал бы ему шестидесяти лет.

Теперь мы жили вдвоем, разговаривали по-шведски, рыбачили и немножко иначе обставили избушку, сколотив вторую кровать. Новая досталась мне. Я положил на нее свежий мох и укрывался короткой оленьей шкурой. Меня не интересовало, почему пришел Хейка, но я был рад этому.

— Медведицу хочешь увидеть? — спросил он и засмеялся. Мы сидели за столом и с удовольствием ели принесенный им свежий хлеб. Откусив копченой форели, он продолжал:

— Едва ли ты ее увидишь, ты опоздал на два года. С тех пор, как здесь нет больше Марбу, она бродит только по тундре. Марбу был как собака, к твоему сведению, такова уж была его участь. Я не мог отнять его у медведицы и продать.

— Кто это Марбу? — спросил я. Хейка еще не успел рассказать мне о нем.

— Детеныш, — отозвался он, не отрываясь от своей форели. — Медвежонок, который вырос здесь.

В эту ночь мы сидели в лодке без дела, ветер носил нас по озеру, а Хейка рассказывал историю о медвежонке — великолепней и проще и рассказать нельзя. Я попытался записать эту историю с его слов и лишь в некоторых местах более подробно описал природу и жизнь других зверей, ведь Хейка не считал нужным рассказывать о том, что давно нам с ним знакомо.

Марбу был молодой бурый медведь в северофинском лесу.

УГОЛЬЩИК РАВДОЛА

Тайга и тундра везде одинаковы, так что о месте, где жил Равдола, много не расскажешь. Где-нибудь стояла его «гамма» — постройка в виде полушария, сооруженная из жердей, торфа и камня, а рядом с ней, вероятно, дымился костер для выжигания угля. Это не имеет значения для рассказа, поэтому Хейка едва упомянул о жилище. Важнее сам Равдола, угольщик, пропахший смолой и дымом больше, чем любой другой житель этой уединенной лесной местности. Никому не нужно было его бояться, хотя с тремя ножами

за поясом и заросшим лицом он выглядел почти грозно. Кто знал Равдоло, тот охотно бывал у него в гостях.

Не думаю, что он когда-нибудь тяготился своим одиночеством. Эти люди, по-своему простые, добросердечные и гостеприимные, совсем не ищут приключений и не знают, что такое романтика. Если им приходится сидеть у костра, они довольны и этим, раз уж так сложились обстоятельства.

Равдоло жил беззаботно, предоставляя дымиться своему костру и уступая охоту другим. Для себя он стрелял несколько куропаток, а иногда и лису, если она попадалась ему на дороге. Бес его, видимо, попутал, когда он вдруг прицелился, да и выстрелил в одну старую медведицу. Этот выстрел, как будет видно, принес смерть не ей, а ему.

«Она нюхала меня,— так говорил Равдоло, не знавший охотничьих выражений.— У меня, должно быть, свой собственный запах, потому что она долго стояла и не знала, кто перед ней. Стрелял ты когда-нибудь в медвежью голову через глаз, Хейка? Я нет. Поэтому я стрельнул неправильно и лишь немножко поцарапал ее».

Равдоло пришел к Хейке. Он искал медведицу. Может быть, она лежала где-нибудь раненая и подыхала. Он искал ее три дня.

У Хейки была собака — хорошая лайка, натасканная по лосю, которая шла также и на медведей. С ней он возобновил поиски. Но медведица как сквозь землю провалилась. Ни малейшего следа не осталось от нее.

— Вероятно, я скорее убил бы пять других, чем эту истекающую кровью старуху,— сказал Хейка, втягивая леску и бросая в лодку форель.— Я не изверг, Эрих, и не люблю, чтобы зверь медленно околевал. Равдоло сделал бы лучше, предоставив это дело мне, я бы с ней расправился как надо, а Равдоло дал бы порядочный кусок мяса. Но нет, он хотел охотиться на медведей, этот ребенок.

— Куда он ей попал? — спросил я.

— Он не мог сказать этого и она мне об этом не рассказала. Во всяком случае царапина была так глубока, что вынуждала ее лежать целыми днями.

С тех пор Равдоло стал избегать всех крупных зверей.

Я с самого начала называю его Марбу, потому что ведь позже его так звали. В глуши зверю кличка не нужна, но как только он попадает к нам, людям, он ее получает. Нужно же как-нибудь его называть. Медвежонка звали Марбу.

Сначала он лежал посреди широкой тундры полумертвый от голода и там бы, вероятно, нашел свой печальный конец, если бы не пришел Тулли, лайка Хейки. Тулли без церемоний шел на любого медведя. Он знал, что медведи драчуны и что ударов их лап нужно избегать. Волчком вертелся он вокруг свирепого зверя, скалил свои острые зубы и хватал его, где только мог. Выстрел Хейки обычно заканчивал борьбу и всякий раз валил медведя.

Почует Тулли медведя — кровь ударяет ему в голову. Так было и на этот раз. С налитыми кровью глазами подскочил он к бурому комку, неподвижно лежавшему в вереске. Но почему он не шевелился? Почему не вскакивал и не отбивался лапами?

Тулли остановился прямо перед медведем в ожидании боевых действий. Равнодушие Марбу поразило его. Или он узнал в этом беззащитном комке детеныша, не способного вести борьбу?

Хейка в это время находился в своей избушке у озера и очень удивился возбуждению прибежавшей собаки, которая, несомненно, обнаружила дичь и хотела сообщить об этом. Двумя часами позже он нашел медвежонка.

— Что мне было с ним делать? — продолжал Хейка свой рассказ. — Убивать нельзя никакого детеныша, тем более если он болен. Пришлось взять его с собой. Сначала он получил бутылку разбавленного сгущенного молока, потом еще одну, потом хлеб, сахар и снова молоко. На следующий день он был на ногах.

Тут Хейка посмотрел в тундру, пососал трубку и задумался. Откуда взялся медвежонок? Удрать он не мог, потому что старые медведи осторожны и редко

удаляются от медвежат. Видимо, это был детеныш подстреленной Равдолой медведицы.

Хейка спрятал трубку, вернулся в избушку, посмотрел на комок бурого меха и назвал его Марбу.

— Почему именно Марбу? — спросил я.

— Ничего лучшего не пришло в голову, а человеческое имя я давать не хотел. Марбу — тоже имя, сказал я себе, он же все равно этого не слышал.

Тулли был совершенно несогласен с водворением Марбу в избушку. Всю свою жизнь он травил медведей и считал их врагами. Знал он, что и Хейка тоже нападает на медведей и не щадит их. Разумеется, все они были большими, но какое ему до этого дело, если он полагался лишь на свой нос и все время чуял медведя? Однажды он был смущен и призвал на помощь своего хозяина — ведь он вовсе не собирался делить свое ложе со зверем, от запаха которого у него шерсть поднималась дыбом.

«Посоветуй-ка мне что-нибудь получше, — ворчал Хейка на свою собаку. — Куда ему деваться? Может быть, в тундру, чтобы мы его снова подобрали и взяли домой? Глупый ты, Тулли, а к тому же еще и озорник. Представь себе...»

Хейка, ухмыляясь, посмотрел в окно, где он вдруг увидел себя идущим по тундре с медведем. Слева медведь, а справа собака.

— Это действительно была глупая мысль, — признался Хейка.

Между тем мы наловили много рыбы, преимущественно озерных форелей с темными спинками и красными брюшками. Было тихо над большим озером.

Марбу не огорчала ни неприязнь собаки, ни присутствие человека. Он не испытал еще ничего плохого и быстро привыкал ко всему. Он был еще меньше Тулли. Что ему оставалось делать, как не присоединиться к собаке, чтобы не остаться одному?

— Тулли не мог все время удирать и должен был к нему привыкнуть, — говорил Хейка. — Я не задумывался, видя их лежащими друг возле друга. Не знаю, что могло произойти в собаке, никто не может этого знать. Гораздо позже я понял, что собака была испорчена — из-за меня, Эрих; точно так же и Марбу по-

том каждую собаку рассматривал, как себе подобную.

В то время как Хейка набивал свою трубку, я заметил, пожимая плечами:

— Мы, люди, иногда завариваем такую кашу...

— Не подозревая об этом,— поспешно добавил он.— Ты можешь приучить зверей друг к другу, только потом их нельзя снова выпускать на свободу. Иначе у них все перепутается, и они могут стать жертвой своего заблуждения.

Тулли и Марбу забыли, что один из них собака, а другой — медведь. К ним присоединился человек со своим запахом, и так жили все трое дружно в избушке у озера более чем в пятидесяти километрах от ближайшего дома.

ПОЯВЛЯЕТСЯ МЕДВЕДИЦА

Кроваво-красное полуночное солнце лежало на северном краю тундры. Повсюду был его тусклый свет: на краях облаков, на земле, в березняке и на болотной воде. День сменялся не ночью, а нежными сумерками. Но в этот час, казалось, все вокруг засыпало. Не раздавалось птичьего крика, хотя все лето тундра полна птичьих стай.

В это время Хейка лежал в вереске, долго смотрел на игру ночных красок и незаметно уснул. А солнце катилось по горизонту, теряло кроваво-красную окраску и поднималось все выше, чтобы начать свой дневной бег.

— Я проснулся,— сказал Хейка,— сощурился от яркого солнечного света и подумал, не пойти ли мне домой. Целый день я бегал и наблюдал за белыми куропатками. Мы, охотники, должны иметь представление о состоянии дичи. Тут-то и увидел я ее в первый раз.

— Кого?

— Медведицу. Она стояла прямо против солнца и казалась черным чудовищем.

— Как же ты мог знать, что это была медведица? — удивился я.

— Вначале я этого не знал, но вдруг она опустила голову и пошла, хромая, на меня. Тут-то мне и стало ясно, что это медведица Равдолы, то есть мать Марбу.

Должен признаться, я совсем не обрадовался этой встрече, потому что сидел в вереске с одним ножом за поясом. До тех пор, пока зверь мало знает человека и не претерпел от него вреда, он не нападает, но медведица Равдолы носила пулю под шкурой. Кроме того, она искала своего детеныша.

У Хейки замерло сердце. В миг он распластался среди высоких кустов «пьяницы» и притаился. Медведица, прихрамывая, протрусила мимо.

Хотя опасность миновала, Хейка продолжал лежать, покусывая ветку и размышляя. Думал он о Марбу. Он не знал, что делать с ним теперь, когда его разыскивает медведица. Если она учует его в избушке — чего доброго пропадет жильё. Она все разнесет, чтобы вытащить своего детеныша.

В раздумье следил Хейка за двумя орлами, кружившими в вышине. Он знал уже много лет этих старых орланов-белохвостов из соседних болот, которые каждый год выращивали одного птенца. Никто не обижал их, и Хейка объявил бы сумасшедшим каждого, кто в то время захотел бы предостеречь его от этих больших птиц.

— Вон они там опять! — воскликнул Хейка, забыв про рыбную ловлю и протянув руку в сторону леса. Я успел заметить, как один из них приподнялся на отдельно стоявшей сосне.

Хейка снял фуражку, показал мне шрам, проходивший поперек головы, и сказал:

— Вот как один меня поцарапал. Я еще сказал ему спасибо, что он не хватил поглубже. А виноват в этом Марбу.

Теперь Хейка запутал весь рассказ. Мы ведь остановились на медведице, которая, прихрамывая, трусила по тундре.

— Ну, хватит, — сказал он, снова принимаясь за форелей.

ПОВЕГ МАРБУ ОТ МАТЕРИ

Итак, Хейка знал, что ему, может быть, придется иметь дело с разъяренной медведицей. Разумеется, проще всего было убить ее, но ведь оставался Марбу, а что с ним делать? Маленького бурого медвежонка

можно продать или частному лицу, или зоологическому саду, но за него мало дадут. Взрослый медведь — дело более выгодное, а Хейке нужны были деньги, чтобы прокормить себя и свою семью.

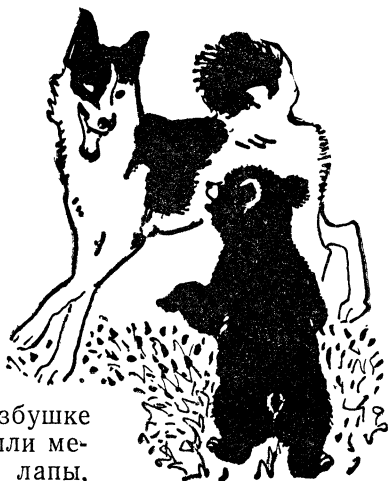
— Я оставил его в живых не только ради него, но и ради себя, — продолжал он.

И Марбу остался в избушке Хейки. Там он делил с Тулли место у очага, лизал себе лапы, дрался с лайкой и был доволен пищей. Молока он больше не получал, но зато суп из овсяных хлопьев, который он пил из бутылки, был так же вкусен, как и все, что ему давали или что он доедал после Тулли.

Этот медвежонок жил, однако, не в неволе. Вместе с Тулли он убегал галопом в тундру, чтобы поугаать птиц и поохотиться за мышами. С человеком он не ходил, а если и шел, то во всяком случае не так охотно, как с собакой. Целый день он мог пробыть на воздухе: охотиться, играть или лениво греться на солнышке. Только в воду он не хотел идти, потому что и Тулли добровольно не шел в воду.

Когда они однажды были в тундре, их встретила медведица. Хейка видел это. Он стоял перед избушкой и наблюдал за своими питомцами, как обычно по вечерам. Тулли должен был наброситься на медведицу.

— Черт знает, что произошло с собакой, — Хейка сплюнул и продолжал. — Больше десяти раз ходила она на медведей, бывало ее не оторвешь, а в этот раз удрала. Может быть, она не видела медведицу, чуют ее она не могла из-за неблагоприятного ветра, но все равно это не оправдание для хорошей лайки. Что бы с нами было, если бы мы не могли положиться на охотничью собаку? Нужно было ее вздуть, чтобы раз и навсегда отбить охоту удирать.

— Она привыкла к медвежьему запаху,— решил-ся я возразить.

— Я сказал уже, что ветер был неблагоприятный,— попытался оправдать свою собаку Хейка.

— Только что ты утверждал, что этому нет оправдания.

Он бросил на меня сердитый взгляд.

— Во всяком случае до медведицы ей не было никакого дела, и она с невинным видом возвратилась домой. Иначе было с Марбу. Он увидел мать, на некоторое время оцепенел и, казалось, забыл про Тулли. Мне хотелось, чтобы он ушел к ней. Тогда бы я смог спать спокойно, а через год натравил бы собаку на обоих.

— А что делала медведица?

— Она так же остолбенела, как и маленький Марбу. Оба смотрели друг на друга. Расстояние между ними едва достигало пятидесяти шагов.

Хейка держал в руках трубку и напряженно смотрел на них. Медведица могла просто приманить Марбу и убежать вместе с ним. Несколько миль вполне достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности и спасти детеныша. Но медвежонок из-за лайки забыл свою мать. Поддавшись внезапному порыву, он быстро повернулся и помчался вслед за Тулли.

— Таким образом, оба они, медведь и собака, снова лежали в моей избушке,— говорил Хейка, десятый раз в этот вечер раскуривая трубку.

— И ты был доволен?

— Нет, как раз нет. И так и сяк прикидывал я, как бы снова свести старуху и Марбу. Не из любви к зверям, Эрих, а из страха перед этой бестией. Медведица знала теперь убежище своего детеныша и подстерегала его или меня, чтобы увести одного или убить другого. В самом деле, у меня не было никакого желания постоянно ходить с ружьем из-за медведицы, которую я вовсе не хотел убивать. Нигде не чувствовал я себя так безопасно, как здесь, в тундре. И вдруг все должно измениться.

Хейка вытянул леску и бросил в лодку восемнадцатую форель. Над озером стояла тишина.

— Чтобы избавиться от Марбу, я выпустил его и два дня держал снаружи,— снова заговорил он.—

Я рассчитывал на то, что старуха придет. Она не пришла, но бродила где-то поблизости. Ты не должен забывать, что пуля все еще была у нее в теле и она боялась людей. Сперва она избегала опасности, пока не зажила ее рана. Потом стала бы приходить и до тех пор отравлять мне жизнь, пока я бы ее не застрелил.

ТУНДРА ЖИВЕТ

Рассказывая, Хейка много опустил из того, что я сам знал. Да и какой смысл упоминать про светлые ночи или описывать мучение от комаров, к которым я смог привыкнуть лишь в течение многих лет. Столь же мало говорил он про зверей, которые встречаются в тундре и тайге, хотя они и имеют отношение к жизни Марбу и к этому рассказу.

Когда я несколько лет назад впервые увидел тундру, спустился с гор и, изнывая от жары, торопливо шел по болотам, мне показалось шуткой утверждение о том, что земля в тундре оттаивает лишь на полметра, а глубже залегает вечная мерзлота. Тропическая жара никак не вязалась с мыслью о льде и холоде.

Здесь, на границе континента, где начинаются Арктика и полярная растительность, в короткое летнее время совершенно не ощущается влияние Ледовитого океана. Зима продолжительная и холодная, лето короткое и жаркое. Однако оно может быть и дождливым; тогда мы его совсем не видим.

Мошкара же всегда тут как тут — идет ли дождь, или светит солнце, в лесу ли, в тундре, но хуже всего она на болотах. Сначала это комары, потом мошка («гнус»), а вдобавок к ним слепни. В воздухе гудит и жужжит изо дня в день, неделями и месяцами. Это может отравить жизнь людям и животным.

Гораздо приятнее пестрые бабочки, арктические разновидности наших: боярышницы, голубянки, лимонницы, павлиньи глаза и многие другие. Пестрянок так много, что они, как красные огоньки, порхают от цветка к цветку. Ночные бабочки летают в полночь, хотя в это время светло, как днем: они не могут ждать темноты. Но я находил также и редкие полярные экзем-

пляры, в которых так нуждаются музеи и которых нет в более южных местностях. Я их ловил тысячами.

И эти насекомые имели отношение к жизни Марбу, точно так же, как жуки и пауки. К ним следует добавить еще более крупных животных: гадюк и ужей, которые хоть и не часто, но все же иногда встречаются в северной тайге. А потом еще много птиц — от воробья до лебедя. Здесь, кажется, собраны все виды птиц: бекасы, ржанки, белые куропатки, кукушки, крапивники и сотни других. На лугах становятся к бою турухтаны, в лесах глухари, здесь высиживают птенцов серые гуси, там гнездятся орлы и соколы. Кричат совы, летают сычи вокруг огня. На горных озерах плавают утки, даже кайры и бакланы, а над ними летают чайки разных видов.

Точно так же многочисленны четвероногие, начиная от мыши и кончая лосем. Я хочу упомянуть лишь нескольких, пришедших мне на ум: леммингов, ласок, зайцев, лисиц, куниц, росомех, оленей и волков. Разумеется, также и медведей, одним из которых был Марбу.

Хороша и безлюдная тундра. Поселившемуся здесь выпал на долю не самый плохой жребий, только он должен быть готов к одиночеству. До тех пор, пока на юге страны достаточно земель для возделывания, север будет заселен слабо. Так считают южане, а северяне этому удивляются.

— Можешь ли ты вообразить себе что-нибудь более прекрасное, чем дом на этом озере, достаточно скота и участок картофеля? — спрашивает Хейка, окидывая взглядом озеро и прилегающую тундру. — Достаточно места для многих, Эрих, и нет нужды сидеть вплотную друг к другу или даже один на другом. Овес и картофель, капуста и овощи.

— Было бы лето немножко подлиннее.

Для Хейки и других оно достаточно длинное, потому что они учитывают и ночи, во время которых все равно спят немного. Благодаря этому непрерывному свету плоды созревают очень быстро, а ягоды здесь слаще, чем у нас на родине. Нет, тундра не мертва, тундра полна жизни. Она только тихая и бесконечно просторная. Здесь родина многих и страна Марбу.

МЕДВЕЖОНКА ВЫСТАВЛЯЮТ ВОН

Итак, в этом мире жил Марбу, молодой бурый медведь, попавший в избушку человека. Так как его не запирали, он и не нуждался в свободе. Хейка остерегался втолковывать ему что-нибудь, ему не надо было учиться и он ни разу не слышал своего имени. Зато он реагировал на слово «Тулли», потому что собака по этому звуку вскакивала и шла к человеку. Хейка сказал:

— Он во всем слушался собаки, будто она была его матерью. Молодой зверь должен многое усвоить, чтобы жить на свете. Что делал Тулли, то повторял за ним Марбу.

Медвежонок чуть ли не стал собакой в медвежьей шкуре. Между ним и человеком лежал целый мир, но от собаки его отделяло немного. Товарищем была она, а не человек, ведь благодаря собаке Марбу попал к человеку.

Хейке было очень жаль расставаться с Марбу. Предполагая, что медведица больше не примет детеныша, он со дня на день откладывал выдворение Марбу. Снова и снова говорил он: «Так, теперь идем» — однако не шел. Каждый раз, как он утверждал, что-нибудь мешало.

В одну тихую, светлую ночь Хейка проснулся от странного фыркания за стеной избушки. Сначала он не понял, что это за звук, но, вспомнив о медведице, быстро сообразил в чем дело. Хороший слух Хейки тонко различает голоса тундры и тайги, потому что он знает их с юности. Судя по фырканию, это была медведица.

Тулли поднял голову и наострил уши.

Хейка слез с постели, погрозил собаке, взял Марбу за шкуру и, не долго думая, выставил его за дверь. После этого Хейке не хотелось ничего видеть и слышать, он снова улегся на постель и притворился спокойно спящим. Я знаю, что он не спал, что он час за часом вслушивался в светлую ночь и ждал Марбу. Так пришло утро, начался новый день, Хейка выплыл на озеро, а Марбу исчез.

Все, что рассказывается здесь о Марбу, собрано от нескольких людей. В конце концов у Хейки были и другие дела, кроме выслеживания медведей и наблюдения за одним медвежонком. Мне кажется, что землемер был тем первым человеком, который обнаружил хромую медведицу с Марбу и наблюдал за ней в ущелье, где старуха ловила форелей. Женщины также утверждали, что они видели их обоих, когда собирали олений мох и, наконец, их видел районный врач, который приезжал в эту местность удить лососей, если не тарахтел на своем мотоцикле от селения к селению. Я познакомился с ним однажды в скверную погоду, когда он свалился в кювет и вынужден был идти пешком. Мы шли одной дорогой, остановились в одном трактире, где и остались ночевать. Он много раз видел обоих медведей.

Если собрать вместе все рассказы, получалось примерно так:

Там, где тундры переходит в густую тайгу и поднимается к совершенно голым горам, возвышающимся над лесом, Утсйоки¹ со своими прозрачными водами стремится сначала на юг, а потом на восток по почти беспредельной глуши. В том месте, о котором идет речь, это небольшой дикий ручей, редко посещаемый жителями лесов. В нем водятся форели, а кое-где и лососи. Но в нем можно найти также жемчужины. Это совсем не драгоценности, они имеют неправильную форму и похожи на перламутр; такими я сам их находил и сохранил на память о беззаботном и радостном времени, проведенном в тундре.

Лес здесь такой густой, что в нем всюду постоянная тень. Сосны иногда достигают пятисотлетнего возраста; пихты стройные с короткими ветвями; лиственницы суковатые, березы высокие, с низко свисающими ветвями. Лес и подлесок образуют густую заросль, которая к тому же усажена колючим можжевельником и, как стена, стоит по обе стороны дикого ручья. Когда иду по этому лесу, то готов поверить, что я первый человек, ступивший в него. Точно так же он должен был выглядеть и много сотен тысяч лет назад, потому что

¹ Река, приток Тона Эльв, впадающей в Баренцево море.

все здесь осталось неизменным. Длинные черно-бурые бороды лишайников свисают с деревьев; серебристые лишайники облепляют стволы, и если старые сосны дряхлеют и падают, то освобождают место другим деревьям и до того загромождают подлесок, что он становится непроходимым.

Конечно, не весь финский лес таков, а лишь в тех местах, где еще не спилено ни одного дерева. Это девственный лес, каким он был с древнейших времен. В других местах лес расчищают, самые старые деревья вырубают, обрабатывают или экспортируют; это главный источник доходов финского государства. На общей площади леса в 25 миллионов гектаров насчитывается 1560 миллионов кубометров древесины.

На Утсйоки сохранился такой первобытный лес, сюда-то и сбежала медведица с Марбу, когда увела его от избушки из тундры в лес. Никто не знает, обожновалась ли она с ним в берлоге или беспокойно бродила вокруг. Землемер, лежа на скалистой стене над ущельем и не отнимая от глаз бинокля, часами наблюдал за медведицей и ее детенышем.

Медведица не имела понятия о том, что поблизости находился человек, ее смертельный враг. Иначе она галопом вбежала бы по склону и набросилась на него. Из-за пули, которую она носила в теле, старуха стала бешеной.

Она неподвижно стояла на выступавшем из воды камне, сама похожая на тень или темный обломок скалы, и следила своими маленькими глазками за форелями, которые то неподвижно стояли в воде, то оживленно сустились. Если одна из них подплывала близко к медведице, та ударяла лапой, и форель, описывая дугу, летела на берег. Одну для Марбу, а иногда две или три, но затем тащила себе, свирепо рыча и отталкивая медвежонка, который думал только о себе.

Марбу тоже захотелось половить рыбу, он встал у воды, посмотрел на волны в солнечных пятнах и забыл про форель. Иногда он хватал их, эти яркие танцующие блики, или поднимал лапу и ударял по дну так, что брызги летели ему в морду.

Медведица рыбачила долго.

Когда солнце бросило длинные тени и легло точно на западной стене ущелья, старая медведица подняла

нос, прекратив рыбную ловлю. Охваченная странным беспокойством, она шевелила ушами и качала своей мощной головой.

Ничего не было видно.

Бесшумно пошла медведица в лес. Марбу перестал играть и держался позади нее, будто чуял грозящую опасность.

Не шум, а тишина опасна в глуши. Говорящий человек не стреляет, а воющий волк едва ли может рассчитывать на добычу. Кто идет на охоту — человек или зверь, — тот крадется бесшумно. Ни один сучок не треснет под его ногой.

Застыв в лесу, медведица со своим медвежонком были едва заметны. Время шло, в долине теперь лежали длинные тени.

Вдруг зашевелился нижний сук кривой березы, стоявшей неподалеку и немного выше того камня у берега, где рыбачила медведица. И хотя листья тотчас снова повисли, на суку можно было увидеть растянувшегося черно-бурого зверя, быть может, уже давно лежавшего там. С вытянутой головой и лапами он достигал полутораметровой длины. Нос у него был светлый, уши маленькие и круглые, а глаза похожи на лисьи.

Это была росомаха, страшнейший хищник северного края. Она достигает метра длины и 45 сантиметров высоты. От мыши до лося — всякий зверь для нее подходящая добыча, так что даже волки и медведи избегают росوماхи, хотя она едва ли нападет на них. Однако медвежонка она задерет без колебаний. Часами, днями преследует она дичь. При этом походка росوماхи нелепо комична, она во время бега кувыркается и производит прямо-таки глупое впечатление. Ни один зверь не ковыляет так неловко и притом так быстро.

Посягала ли она на Марбу? Медведица была на чеку. В ее присутствии хищник не мог отважиться напасть на медвежонка или его преследовать; смирившись, лежал он на суку, устремив глаза в ближний кустарник.

Иной охотник или поселенец был бы очень рад, застав ее так на березе. Все люди ненавидели этого дьявола, потому что он задирали овец, взламывал кладовые, грабил и разрушал все, что попадало ему в когти. Росомаха сдирали даже прибитые к стенам домов

для просушки оленьи шкуры, когда не находила ничего другого. Месяцами все бывало хорошо, пока она внезапно не появлялась и не творила бед. Так же бесследно она могла снова исчезнуть. Лес совсем не был ее убежищем, для охоты она предпочитала голые цепи гор. Она бродит повсюду и не знает постоянного места в отличие от куниц, лисиц¹.

Кто дал ей имя «обжора»², неизвестно. На Севере ее называют и иначе. Но действительно пожирает она добычу так ненасытно и жадно, что носит свое имя по праву.

На человека росомаха не нападает. Даже несколько собак для нее погибель, но с одной она очень быстро справляется. Сильный неприятный запах от нее разносится даже против ветра, из-за чего ее, вероятно, и избегают другие звери.

Так лежала она неподвижно у берега Утсйоки, в то время как ночь, тихая и светлая, окутала глушь.

ВСТРЕЧА МАРБУ СО СТАРОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Всякий зверь крупнее мыши мог не бояться Марбу. Он пробавлялся еще прошлогодними ягодами водяники, почками, жуками, рыбой и другой мелочью. Даже зайцам он не был опасен, особого пристрастия к мясу еще не питал, лакомился кое-чем и повсюду находил богатые кормом места.

Грибы, корни были для него хорошей закуской, а муравьи и их личинки казались самыми вкусными. Он ел все.

Более требовательной была медведица. Она привыкла к мясу и убивала животных, попадавших ей на пути. Сегодня она задирала оленя, завтра овцу. Никто не был в безопасности от ударов ее лап.

Случалось, видимо, что она одна уходила на охоту и оставляла Марбу. Убегала ли она украдкой, или прогоняла его обратно тумаками и ворчанием — неизвестно. Во всяком случае, хромую медведицу видели

¹ У росомахи есть свой охотничий участок, но в отличие от участков других зверей он более широк.

² Vielfrager (нем.) — дословно «обжора». — *Прим. перев.*

в тундре одну, а с Марбу в это время происходили небольшие происшествия.

Когда созрели первые ягоды голубики и висели большие и сладкие на низких стеблях, потому что в тундре кусты голубики не бывают высокими, Марбу ползал вокруг, чтобы набить себе полный желудок. Сладкие ягоды он очень любил и выглядел препотешно, когда ерзал так с носом, уткнутом в зелень. Однажды во время усердного занятия едой медвежонок вдруг услышал звонкий смех. Марбу не испугался. Он только взглянул мельком, увидел стоящего перед собой человека и не обратил на него внимания.

— Эй, ты! — крикнула старушка, державшая в руках ведро для ягод. — Какой же ты смешной парень! Поди сюда! Поди сюда!

Марбу встал и подошел к старухе. Он вовсе не понял ее, а подошел в надежде что-нибудь получить. Медведь не такой уж умный зверь, но для того, чтобы, едва привыкнув к человеку, смотреть на него как на источник корма, и не требуется много ума.

Старая женщина не очень удивилась, когда медвежонок дал себя погладить. Но если бы она знала что-нибудь о нем или слышала о хромой медведице, то конечно немедленно бы убежала.

Когда Марбу увидел, что старушка не может ему ничего дать, он возвратился к голубике. Не будь ягод, он, пожалуй, побежал бы за ней, однако никто не может быть уверен в этом. Даже зов Хейки бывал тщетным, когда Марбу находил что-нибудь съедобное или бегал вместе с Тулли по тундре. Его доверие к человеку основывалось не на привязанности, а зависело от его занятия в данный момент или от голода. Он мог и выклянчивать корм. Для этого он, как Тулли, садился перед человеком и поднимал вверх лапы. В ответ на это каждый раз получал какое-нибудь лакомство, иногда даже сахар.

От женщины он ничего не получил, потому что у нее самой ничего не было. Она поманила его, но он больше не слушал. Тогда она схватила его за шкуру и хотела провести немного с собой. Сначала он было пошел, но неожиданно вырвался и быстро убежал.

Женщина, собиравшая ягоды, не знала что и думать об этом странном «парне».

ХЕЙКА РАССКАЗЫВАЕТ ДАЛЬШЕ

— Теперь видишь, Эрих, что стало с Марбу. Как только медведь идет к человеку, мы качаем головой. Мы хотим, чтобы он был хищным, если уж не свирепым, а это в сущности неправильно. Почему он должен быть врагом человеку? Чтобы мы могли, не задумываясь, его подстрелить. В животное, которое доверчиво идет ко мне, я стрелять не могу. Фу, дьявол, я бы этого не смог!

Час назад Хейка прекратил удить рыбу: ее стало очень много, и мы не знали, что с ней делать. Он сидел на корме, снова и снова набивал трубку и каждый раз она у него гасла после трех затяжек. То ли табак отсырел, то ли забился чубук. Я обратил на это его внимание, однако он только кивнул и сказал: «О да, вполне возможно».

Воспользовавшись паузой, я заметил:

— Однако ты должен признать, Хейка, что несмотря на свое знакомство с человеком, Марбу и на воле нашелся как поступить.

— Конечно, но представь себе, если бы пришла медведица. Вполне возможно, что она переломала бы кости обоим.

— Медвежонку-то нет.

— От этой бестии можно ожидать всего. Мы ненавидим ее и будем зимой до тех пор гоняться за ней, пока она еще раз не попробует свинца.

Мы отплыли подальше от берега, где комары оставили нас в покое. Вдали простиралась тундра с отдельными березками и цепями холмов, где гейлы¹ бегали по болотам словно золотые карликовые курочки. В тихой ночи к нам доносились их крики.

Заметив высоко над нами орлана, я сказал Хейке:

— Ты говорил об орланах в связи с Марбу. Как это произошло?

— Старая история, от которой мне мало славы,— проворчал он угрюмо.— Ты должен все же ее послушать, чтобы в подобных случаях не подставлять свою голову.

Он снял фуражку, слегка дотронулся указательным пальцем до шрама на голове и добавил:

¹ Золотистые ржанки, вид птиц.

— Где хватит орлан-белохвост, там не растут больше волосы.

Я только кивнул и ждал рассказа. Хейка начал:

— Орланы-белохвосты птицы необщительные. И нас, людей, они сторонятся, хотя до сих пор их не беспокоил ни один охотник. Кое-где их убивают для любителей и для музеев, здесь же, в тундре, о них никто не думает. На той цепи гор, что тянется к лесу, они гнездятся так давно, как только я могу запомнить.

— В камнях? — удивился я.

— На сосне, которую не видно отсюда. Они обосновались вверху на хребте, откуда просматривается вся округа, так что застрахованы от непрошенных гостей. Пока они высиживают яйцо или выкармливают птенца, ни один человек не подходит к ним близко, чтобы избежать нападения. Позже они становятся безобидными и никого не беспокоят. Тогда даже дети ходят на гору собирать бруснику.

— Какие дети, Хейка?

— Дети Косонена, когда они приходят за ягодами в эту местность. Маури Косонен поселился несколько лет назад примерно в двадцати километрах отсюда и теперь у него рубленая изба, корова и участок земли. Его дети доходят иногда до этого озера.

Трубка у Хейки опять погасла.

— Чем питаются орланы, тебе не нужно говорить, — продолжал он. — Рыбы в озере достаточно, леммингов уйма, а что они еще едят — меня не интересует. Во всяком случае они не в состоянии переловить и передуть все то, что здесь плавает, летает и прыгает. Если ты поднимешься на тот хребет, то за полмили почувствуешь вонь от остатков пищи орланов. Я должен об этом сказать, чтобы ты понял связь моего рассказа с историей Марбу.

Я давно его не видел, уже отказался от него и считал, что он бродит где-нибудь по тундуре. Тулли скулил, когда я произносил имя Марбу. Так вот, шел я однажды с лесопильного завода, где проработал несколько недель, очень устал и хотел сократить дорогу, решив пройти через тот хребет. Тулли прыгал впереди. Он тоже знаком с этими орланами и знает, что мы их не тронем, так же как и они до сих пор не трогали

нас. Ветер был благоприятный, а потому от объедков воняло не сильно, и Тулли, ничего не подозревая, трусил рысцой. Хребет уже оставался позади, мы спустились вниз. И вдруг я увидел Марбу! Он взобрался по склону и мчался по направлению к падали, а над ним кружил старый орел. Птица, казалось, собирается ринуться на медвежонка. Мигом я повернулся, взмахнул палкой, которую только что нашел, и отрезал Марбу дорогу. Как только я появился, орлан исчез.

«Безобразник!» — бранился я и тряс Марбу. Он не боялся меня, поэтому я мог его схватить. Потом я быстро повернул его носом прочь от кучи падали, шлепнул и прогнал вон.

В этот момент что-то сильно зашумело надо мной. Я многое испытал на своем веку, Эрих, но тогда подумал, что рушится мир. Собственно я ничего не видел, потому что два мощных крыла все закрыли. Потом меня толкнуло в грудь, что-то острое царапнуло по голове, и я снова стоял один посреди тундры. Фуражка исчезла. Не думаю, что орел хотел украсть мою фуражку, она ведь ему не нужна, только тогда мне было не до рассуждений. Я быстро скатился по склону вниз. Набравшись страху от орлов, я охотно отказался от фуражки, лишь бы спасти свою шкуру.

— Ты был ранен?

— Во всяком случае кровь так бежала по затылку, что потемнело в глазах. Что было с моей головой, я точно не знал. Но мне было известно одно место, где я мог отколупнуть глину и приложить к голове.

— Глину на рану? — удивился я.

— Яма с глиной была ближе, чем ближайшая аптека, — насмешливо сказал Хейка. — Мы пользуемся глиной, когда не находим древесную смолу.

От саами¹ я уже слышал, что раны надо мазать древесной смолой.

— На счастье, волосы у меня были острижены коротко, — продолжал Хейка, — что со мной не часто случается, и с этой накладкой из глины я благополучно добрался до дому. Только там мне бросилось в глаза,

¹ Народность в северных областях Финляндии, Норвегии, Швеции, в СССР — на Кольском полуострове. Раньше их называли лопари, лапландцы. — *Прим. ред.*

что Тулли был не один, а привел с собой Марбу. Оба радовались встрече и так тасовали друг друга, что я на время забыл про шум в голове.

— Так Марбу снова пришел в твою избушку?

— Да, он опять был тут. После первой радости, вызванной встречей, я швырнул ему черпаком в голову. Я был взбешен, Эрих, потому что мне снова приходилось считаться с медведицей. Отныне нужно было изо дня в день точить нож, чтобы иметь при себе острое оружие. Кто же летом берет с собой ружье? Я всю жизнь прожил спокойно в тундуре, и мне не нужно было остерегаться никаких зверей. Ни разу не уступал дорогу даже волкам. Теперь я осматривался вокруг, когда выходил из избушки, потому что медведица могла появиться везде и в любое время. Ночью она действительно пришла. Я выставил Марбу за дверь, дал ему пинка и послал ко всем чертям.

МАРБУ И ОРЛЫ

По своей глупости Марбу еще не раз попадал к орланам и с ними ссорился. Хейка не присматривал за своим воспитанником и видел его лишь случайно, к тому же остерегался снова попасть орланам в когти.

Марбу же, напротив, очень быстро забыл про свою первую встречу с орлами. Видимо, он частенько удирает от матери, чтобы одному побродить по тундре. Связь между ним и медведицей за время его отсутствия дала трещину. Тяжелое ранение и долгая болезнь уже пошатнули материнскую любовь к детенышу.

Что влекло Марбу именно к орланам, знает он один. Может быть, ему просто хотелось покопаться в их воющих объедках.

Меня тоже тянуло к этим орланам. Я не только неделями наблюдал за орланами-белохвостами, но однажды жил с ними прямо-таки по соседству на маленьком острове в Лапландии. Мы привыкли и знали, что не причиним вреда друг другу. На этом острове был заповедник, а потому никто не имел права стрелять в орланов, и они не боялись человека. Орлы, в которых уже стреляли, не подпускают близко к себе, они сразу же улетают.

Но и те орланы, что гнездились недалеко от Хейки, были не особенно пугливы. Пока я бродил вокруг, избегая горного хребта, они спокойно кружились над мной, правда на значительной высоте, иногда еле видимые. Трудно сказать, что им было нужно там наверху: для выслеживания добычи им не надо было подниматься так высоко. Но стоило мне приблизиться к горе, как они спускались ниже, их круги становились меньше, а протяжные крики звучали предостерегающе. Отсюда я наблюдал за ними часами.

Прежде чем солнце поднималось на востоке, оба орлана вылетали за добычей. Они отдыхали в ночное время, хотя и в полночь над северными горными цепями солнце излучало кроваво-красный свет и полная темнота не наступала. Обе птицы поднимались, недолго держались в воздухе и бросались на добычу. Хотя орланы-белохвосты питаются главным образом рыбой, мне не удалось наблюдать их за ловлей рыбы. В большинстве случаев они убивали зайцев.

Впрочем, они кормились всем, что бегают и летает в тундре. Ни один зверь не чувствует себя перед ними в безопасности. Эти опаснейшие хищники очень смелы. Когда утки надеются унырнуть от них, они не учитывают выдержку и быстроту орланов, а потому именно их чаще всего хищники хватают и уносят. Особенно любят орланы лакомиться леммингами. Но они также смело нападают и на оленят, на лисиц, куниц и лососей. Хейка утверждал, что бывали и такие орланы-белохвосты, которые нападали даже на детей.

Чтобы иметь некоторое понятие о силе орлана-белохвоста, нужно рассмотреть его вблизи. Одного я захватил врасплох, когда он стоял у обрыва и кормился зайцем. В двух метрах от меня он распростер свои мощные крылья, размах которых достигает двух с половиной метров, наклонился немного вперед, скользнул и взмыл ввысь.

Марбу, стало быть, не имел понятия о том, насколько опасны эти птицы, если он опять появился вблизи них. Так как он еще не умел пользоваться ни зубами, ни лапами, то при нападении орлов стал бы их жертвой. Они могли убить его, конечно, не для того чтобы съесть, а опасаясь посягательства на птенцов.

Где-нибудь находились оба молодых орлана. Я сам видел сосну с мощным сооружением из толстых сучьев, слу-

жившим для них гнездом, но не обнаружил там никаких птенцов. Или оба они вывалились из гнезда и росли на земле, или старые орлы свили себе в камнях второе гнездо. Когда я был еще далеко, то слышал крик птенцов¹; чем ближе я подходил, тем тише они вели себя. Каким-то образом между ними и старыми орлами осуществлялась сигнализация.

Точно так же было, когда появлялся Марбу. Птенцы смолкали, а старые орлы в это время с пронзительным криком пролетали над хребтом и начинали наступление. Они не наносили ударов, а круто падали вниз головой, на высоте метров в пятьдесят выравнивались, падали еще ниже с вытянутыми вперед когтями и снова взмывали вверх.

Некоторое время Марбу терпел это. Что летало над ним в воздухе, видимо, его не касалось. И лишь когда большие птицы с шумом пролетали вплотную над ним, он поворачивал обратно и галопом скакал по склону вниз.

Даже посещения Марбу не могли встревожить орланов-белохвостов. Там, где они гнездятся, орланы остаются и в том случае, если приходится рисковать жизнью. Лишь суровая зима может их прогнать. Тогда они перелетают на юг, однако ранней весной возвращаются обратно к своим старым гнездам. Каждый раз, когда я подходил близко к ним, они возбужденно кружились надо мной, но немедленно успокаивались, лишь только я поворачивал обратно; тогда они описывали высоко в небе широкие круги или опускались на большие каменные глыбы хребта. Там они сидели неподвижно и лишь в крайнем случае поворачивали голову и осматривали местность.

В необъятной северной глуши много орланов, есть и беркуты, которые питаются главным образом наземными животными; причиняемый ими ущерб невелик. Ни одна пара орлов не в состоянии переловить всю дичь в какой-нибудь местности.

Здесь так много дичи, что охотник может добыть за зиму тысячу белых куропаток, несколько сотен зайцев и много лисиц без ущерба для зверья.

Вокруг гнезда орланов-белохвостов, за которыми я наблюдал в северной Швеции, местность кишела лемминга-

¹ Обычно птенцы крупных хищников — орлов не издают звуков, так что здесь автор, видимо, преувеличивает.

ми, а неподалеку в кустах тетерка высиживала птенцов и действительно вырастила восемь больших цыплят. Гораздо опаснее волки и лисицы, которые могут выловить почти всю дичь в округе, особенно в суровую зиму. Каждого волка преследуют охотники и местные жители, каждую стаю уничтожают или рассеивают облавами. Лисицы, кроме того, обладают ценными шкурками, однако, если бы даже их шкурки совершенно не ценились, их все равно уничтожали бы повсюду, чтобы сохранить остальную мелкую дичь. Орлов же, напротив, не преследуют, потому что они принадлежат глуши, как почти безобидные птицы.

КАК МАРБУ ПОПАЛ В СЕТЬ

Когда у Хейки была поцарапана голова, он покинул свою избушку на берегу озера, чтобы совершить путешествие за восемьдесят километров и посетить врача. Тот снял ему повязку из глины, зашил рану и снова привел все в порядок. О Хейке рассказывать больше нечего. Марбу же явился к избушке, чтобы поиграть с Тулли. Взбрело ли это в голову медведице или он по собственной инициативе решил провести Хейку, установить не удалось. Обо всем происшедшем Хейка прочитал по следам, так как они были достаточно отчетливы, чтобы броситься в глаза даже самому неискушенному человеку. Оба медведя по-своему наводили порядок вокруг избушки.

Тулли, конечно, не отстал от Хейки и вместе с ним отправился путешествовать в обитаемые места. Когда медведи пришли к избушке, она была крепко заперта и защищена от вторжения хищных зверей. Если бы к жилью пришел человек, он нашел бы на стене избушки ключ, оставленный для того, чтобы каждый путник мог зайти в нее и немного отдохнуть. Таков обычай там, где лес велик, а домов мало.

Хейка был вынужден так спешно уйти, что не успел ничего привести в порядок. Не будете же вы убирать у себя перед домом, если у вас кожа на голове изодрана в клочья, а накладка из глины заменяет сорванную фуражку. Таким образом, перед хижинкой осталась бочка, до половины наполненная соленой рыбой, на веревке висела сеть и две оленьих шкуры лежали под открытым небом. Если бы мед-

веди не пришли, ничто бы не изменилось, и Хейка мог через несколько недель привести все в порядок.

Но медведи пришли. Первым был, видимо, Марбу. Он подбежал к избушке, несколько раз обошел вокруг и попытался проникнуть внутрь. Ему всегда открывали, когда он лапой царапал дверь. На этот раз она оставалась закрытой. У медвежонка достаточно времени. Вероятно, он уселся, полизал себе лапы, поворчал немного и посмотрел вокруг — чем бы ему подзаняться. В стороне лежали две оленьи шкуры. Марбу подскочил к ним, пожевал немного, потом начал кувыркаться на них и некоторое время забавлялся таким образом.

Это видела медведица. Подозрительно и недоверчиво, крадучись, она обошла жилье человека. Старуха боялась за своего детеныша, и, кроме того, свинец сидел у нее под ребрами!

Медленно она подошла ближе. Но ничто не двинулось, избушка осталась закрытой, и не было никаких признаков присутствия человека; тогда она рискнула подойти еще ближе. Марбу был предоставлен сам себе. Вдруг медведица заинтересовалась лежавшими вокруг вещами, обнюхала пустую деревянную миску, опрокинула ведро и подошла к бочке. Соленая рыба — не еда для медведя, если он не очень голоден. Поэтому старуха повалила бочку, съела несколько рыб и позволила Марбу укатить ее прочь пустую. Бочка скатилась под откос и упала в озеро.

Марбу схватился за одну рыбину, но она выскользнула. Ему понравилась эта скользкая вещица, и он принялся разбрасывать рыбу. Вскоре она валялась вокруг всей избушки. Сотни форелей протухли, и вонь от них стояла потом до самого неба.

Теперь медведица почувствовала себя в безопасности и больше не боялась человека. В то время как Марбу творил глупости и забавлялся рыбами, она улеглась в теплый песок, как об этом позже рассказали следы. А Марбу прыгал вокруг. Рыба ему уже наскучила, и он присматривал для себя новые развлечения. Опрокинуто было уже все, что можно было опрокинуть. Ни один кол не остался на своем месте.

На шестах висели сети. Жена Хейки сплела их сама, потому что так они обходились дешевле. Это были три длинные сети, которые Хейка просушивал на воздухе, прежде чем забросить вечером в озеро за форелями.

Марбу заметил их, потянул и шалил при этом, как щенок. Но рыболовные сети были, видимо, плохой игрушкой для медвежонка, потому что вскоре он в них запутался и перепугался. Он бросался во все стороны, чтобы освободиться.

Медведица пока еще смотрела, не вмешиваясь. Отчаянную борьбу Марбу с сетями она считала баловством, которое ее совершенно не касалось. Он связывался иногда с такими вещами, которых она, старая медведица, лучше бы избегала. Так она ни разу не ходила к орланам-белохвостам, старалась обходить избушку человека и искала одиночества. Медведица ничего не хотела знать и о сетях. Но Марбу запутался крепко. В страхе дрыгал он ногами, катался и, наконец, сорвал с шестов все три сети.

Сколько времени он боролся с путами и старался освободиться от них — известно, должно быть, одной медведице. В конце концов она должна была прийти ему на помощь, чтобы он не задохся самым жалким образом. Она подошла и с яростью принялась рвать сети зубами и лапами, разбрасывая обрывки далеко вокруг, пока сквозь запутанный клубок не добралась до шкуры Марбу. Много ключев его пушистой шерсти торчало потом в изорванных петлях сетей, свидетельствуя о беспощадной силе челюстей медведицы.

Возможно Марбу до тех пор дрыгал ногами, пока не выдохся совсем, так что медведице пришлось его прямо-таки вылушивать из сетей. Это должно было занять несколько часов, потому что сети у Хейки были в наилучшем порядке. С гнилыми нитками она бы, вероятно, справилась быстрее.

Когда Хейка возвратился, чтобы возобновить прерванную рыбную ловлю, то вокруг своего жилья застал одни обломки. От сетей не осталось ни одного целого места, а в бочке ни одной рыбы. Тогда он поклялся отомстить медведям. Что из этого получилось, я могу себе представить. Медведицу он оставил в покое, когда же перед избушкой появился Марбу, Хейка его погладил. Эти суровые парни странные люди, они то враждебны, то мягки, как дети; то не моргнув глазом убивают медведя, то ласкают его, будто он не медведь, а щенок. Хейка не исключение, наоборот, он типичный финский поселенец, простой человек, живущий среди дикой природы.

Нам, годами живущим или жившим в этой глуши, многое кажется здесь обычным, но для приезжего все ново и неизвестно. Поэтому будет, пожалуй, лучше, если я расскажу немного о поселенцах: о том, откуда они пришли и чем занимаются, как живут и ладят с одиночеством. Местность эта велика и обширна — намного обширнее, чем мы можем себе представить. Если в Финляндии на один квадратный километр приходится девять жителей, то это не значит, что их можно встретить везде, потому что большинство людей живет в городах. Часто нужно исходить очень много километров, чтобы встретить человека. Городская жизнь здесь точно такая же, как и повсюду, одиночества нет и следа. Естественно, что финны заселили сначала юг страны, где больше возможностей для обработки земли; там развито сельское хозяйство. Здесь, на Севере, возникла деревообрабатывающая промышленность. Были проложены железные, шоссейные дороги, росла культура финского народа.

Очень поздно началось освоение Крайнего Севера, наступление на Арктику. Советский Союз шел впереди и продвинул обработку земли до Ледовитого океана. Арктическое безмолвие было нарушено, хлеба заколыхались севернее полярного круга, шахты возникли в Северной Сибири, так же как и в Северной Канаде; Тромсё¹ превратился в город цветов, даже Туле² уже не самый северный поселок Гренландии. Люди передвигают границы и изменяют понятия, атакуют природу и преодолевают пространство и время.

Не следует удивляться тому, что и в Финляндии теперь осваиваются отдаленные глухие края. Желаящий получает участок земли. Это полезно и ему самому и всему народу. Только начало нелегкое. Здесь нет готовых домов, ждущих своих жильцов, и земли нет, которую можно обработать без труда. Эти дебри — не сказочная страна с медовыми реками, текущими в кисельных берегах. Некоторые поселенцы жили и живут, как в крольчатнике.

Почти каждый поселенец строит дом, прежде чем переселяться со всей семьей. Так как строить умеет каждый и

¹ Город на севере Норвегии.

² Поселок на северо-западном побережье Гренландии.

каждый сам себе архитектор, то дома получаются разные, хотя существует типовой проект дома поселенца, практичный и удовлетворяющий скромным потребностям колонистов. Начинают все с малого. Больше их только обременило бы. Приходится обойтись и этим. Сначала они рубят деревья, затем помогают на лесопильном заводе при разделывании их на доски и бревна, после этого они с двумя родственниками или друзьями принимаются за работу и в первое лето подводят дом под крышу. Помощь друзей большей частью ничего не стоит, ведь им тоже помогали или будут помогать, когда у них самих начнется строительство дома. На второй год дом готов, обошелся он недорого. Дерево дешево в этой богатой лесом стране.

Теперь переезжает семья и привозит с собой овцу или козу. Двумя годами позже в хозяйстве появляется уже несколько овец, а в случае удачи и корова. Но хотелось бы иметь и лошадь, чтобы возить лес, камни и землю. Для предусмотрительного хозяина найдется очень много работы, если он хочет чего-нибудь добиться.

Почти каждое хозяйство имеет сауну — финскую парную баню. Иногда ее сооружают еще до строительства дома и всегда у озера, потому что для сауны нужна вода.

Кормятся поселенцы прежде всего рыбной ловлей. В школе мы ознакомились с Финляндией, как со страной тысячи озер. Между тем я узнал, что здесь не тысяча, а 70 000 озер! Каждый поселенец стремится построить свой дом недалеко от озера, чтобы не быть отрезанным от окружающего мира. По водному пути он добирается до других поселений, иногда и до больших населенных пунктов. Множество озер определяет как вид финского ландшафта, так и жизнь финнов вообще.

Настраиваться на какой-нибудь другой климат поселенцу не нужно. Хотя северное лето короткое, из-за светлых ночей оно удлиняется, и урожай можно получить хороший. Оно и не прохладное, а скорее теплое, нередко даже жаркое. Купаться в озерах одно удовольствие. Зима приносит, естественно, большие холода и много снега, но поселенцы приспособляются к этому — они носят шерстяное белье, шубы и меховую обувь.

Жизнь этих финских колонистов тесно связана с природой. Они должны знать рыб озера и зверей леса и тундры, изучать их образ жизни, чтобы удачно охотиться, рас-

познавать строение почвы для ее обработки и уметь ночевать в лесу, когда приходится проводить целые дни в дороге под открытым небом.

Поселенцы многое делают иначе, чем в Германии, в Норвегии или Швеции. Топором они владеют прямо-таки мастерски. Удары попадают точно в цель, и они с такой быстротой вдвоем могут срубить средней толщины дерево, с какой его не свалит и моторная пила. За мою многолетнюю жизнь в лесах и в тундре я тоже научился обращаться с топором, но в Финляндии мне пришлось основательно переучиваться, чтобы не осрамиться.

«Ты рубишь неправильно,— говорили они и показывали как это делать лучше.— Срез должен получаться немного наискось, но не слишком косо! Это дерево я свалю восьмью ударами». И действительно делал это. Другой посмотрел, нашел дерево такой же толщины и покончил с ним семью ударами. Там это мужской спорт, который вдобавок приносит еще пользу в хозяйстве.

Одежда этих людей практична. На ногах они носят сапоги из мягкой кожи, достигающие колен или еще выше. При хорошей погоде и сухой почве голенища подворачивают, что не совсем красиво, но зато очень удобно. Я купил пару сапог и очень гордился ими. Они были светло-коричневые и удивительно мягкие. Куосманен, у кото-

рого я тогда жил, научил меня ухаживать за сапогами. Я брал две части рыбьего жира и одну часть дегтярного масла, смешивал их и выливал в красивые светло-коричневые сапоги. Потом я должен был их хорошенько потрясти, чтобы смесь попала во все швы, вылить из них это вонючее месиво и повесить сапоги над печкой. Через два дня они высыхали, становились еще более мягкими и темно-коричневыми. Теперь они были гарантированы от промокания и проносили меня сухим и невредимым через реки и болота.

Рыбная ловля — общее летнее занятие, охота же — принадлежность зимы. Не каждый поселенец становится большим охотником, но даже в самой убогой хижине висит дробовик. С десятилетнего возраста мальчик занимается охотой. Или он берет ружье и стреляет белых куропаток и зайцев, или ставит силки. Охота — неперемennое занятие колониста, а зимой — его хлеб насущный. Некоторые очень удачливые охотники целые недели проводят в лесу, при этом не боятся ни снега, ни холода и в случае необходимости нападают на бурого медведя с топором или с ножом. Я знавал охотников, которые убили много медведей.

В поисках дичи и рыбы мужчины уходят часто очень далеко, проходя по пятидесяти километров в день и не кичатся этим. Если они находят особенно богатую местность, то строят там избушку, запасают дичь или рыбу, а позже отвозят добычу на лошади, запряженной в телегу. Жена в это время занимается дома хозяйством. Но приходит пора сбора ягод, и она посылает в тундру детей, а иногда идет с ними сама, потому что сбор ягод — дело веселое. Когда морошка созревает на болотах и желтоватые ягоды висят на кустах, женщины и дети отправляются на болота, варят кофе на костре и по два дня остаются там, пока не наполнят ведра и кадки. Морошка со сметаной считается особенным деликатесом, тем более что она растет только на Севере. Но собирают также голубику, а бруснику даже в больших количествах, а потом продают целыми корзинами.

Тренировка в ходьбе приводит к тому, что почти все они, а прежде всего деревенские жители, хорошие бегуны. Летом ходят пешком, осенью на коньках пересекают озера, зимой надевают лыжи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они стали большими мастерами в этих видах

спорта. Идти в ногу с финским лесным скороходом — порой просто мучение. Они стремительно бегут напролом и считают само собой разумеющимся, что приезжий может идти рядом. Если он отстает, значит, у него не все в порядке, ему чего-то не хватает. Мне не хватало лишь воздуха, чтобы выдерживать этот убийственный темп.

Все это нужно знать, если уже речь зашла о поселениях и охотниках. Немецкая охота упорядочена законом, охотников в конце концов интересует сам процесс охоты, а не ее результат. Здесь же, в лесах, цель охоты — содержание семьи и снабжение населения мясом, кожей и мехами.

Такова жизнь в тундре, суровая и полная лишений, но в то же время свободная и привольная. Она не всегда удобная. Когда идет дождь неделями, на теле не остается ни одной сухой нитки, костер едва горит, и мясо — единственная пища. Тут уж не может быть и речи об удобствах.

Охотник должен терпеть, если не хочет прийти домой пустым, а я должен оберегать свои коллекции, чтобы они не намокли и не испортились. Мы лишь немножко переругиваемся, съезживаемся, пододвигаемся к огню и ждем...

БЕГСТВО ХЕЙКИ ОТ МЕДВЕДИЦЫ

Чтобы возобновить ловлю рыбы, Хейка должен был пойти в ближайшее селение и купить две сети. На это ушло несколько дней. Медведям это было кстати. Они опять пришли к избушке, решив, видимо, что это место оставлено человеком. Опрокидывать и ломать здесь больше было нечего, и когда Марбу направился к озеру, медведица побежала за ним. Вероятно, они покинули на время ущелье Утсйоки, потому что на болотах ягод было больше, чем в лесах.

Хейка шел через лес, нес мешок за плечами и палку в руке. Бесшумно, как зверь, шагал он в высоко натянутых сапогах, с шапкой на затылке. Комары вились над ним тучей. Головы он не поворачивал, но его взгляд был всюду, как будто он что-то искал. Это не были указатели пути.

В такой день, как сегодня, ему вообще не были нужны никакие указатели направления, потому что он знал почти

каждое дерево. Этот лес доходил до самого его дома и тянулся еще много дальше. Но бывали дни, когда все погружалось в туман или когда все поглощали буря и выюга. На такие случаи он делал отметки: вешал сухую ветку в развилку между сучьями, местами срубал куски коры. Посторонний человек едва ли заметил бы эти знаки, но посторонние люди и не должны были их замечать.

Его беспокойный взгляд собственно ничего не искал, но замечал все. Каждое изменение сразу же бросалось ему в глаза и заставляло призадуматься. Если где-нибудь было сломано дерево, он должен был пойти туда, если ямка в почве напоминала след, он шел по нему, не сбавляя шага.

«Счастливого пути»,— сказала Сигне, жена Хейки, провожая его до сауны, откуда он свернул в лес. «Да, будь здорова»,— ответил Хейка. Дети уже были взрослыми и обзавелись своими семьями.

Как, однако, проходит время! Сигне Торен уроженка побережья; это была высокая светловолосая девушка. Ее родители прибыли из Швеции. Дома они говорили по-шведски, в остальных же случаях по-фински. И она избрала его, черноволосого парня, который хотел стать поселенцем.

Хейка вдруг остановился и спрятался за пихтой, увидев перед собой целую стаю глухарей. В ней не было ни одного петуха. Они клевали что-то на земле и не чувствовали, что за ними наблюдают.

Затем он пошел дальше, улыбнулся с шумом сорвавшимся глухарям и снова набрал прежний темп.

Нелегко было им, Сигне и ему, когда дом был готов и они начали обрабатывать землю. К тому же появилось трое детей — вначале мұка, а потом помощь, ибо все трое довольно рано взялись за дело. Уно, Бертель и Эллен — два великолепных черноголовых парня и вдобавок светловолосая девушка. Эллен жила со своим мужем дома и должна была скоро родить ребенка. Так прошло время.

Хейка был уже несколько часов в пути и, наконец, пришел в тундру. Солнце стояло на северо-западе и скоро должно было зайти, ведь уже конец лета. Если держаться западнее и пройти еще немного лесом, можно сократить путь и прийти раньше, но в таком случае пришлось бы идти по сильно пересеченной местности.

Если Эллен родит мальчика, то назовет его Кнutom; Кнут Иохан Хюттинен — он позднее взял бы дом на себя. Хейка просто мечтал об этом во время пути. Когда человек один, ему в голову приходят разные мысли.

В лесу уже темнело, в то время как в тундре было еще светло. Лес был похож на собор с высоким куполом, который пропускает лишь скудный свет. Здесь все засыпает намного раньше.

Зачем Хейка держал в руках палку, он и сам не знал. Для опоры она была ему не нужна, а как оружие — тем более, так как на серьезный случай у него был нож, которым он мог и срубить тонкое дерево и убить волка. Не думая об этом, он забросил ее в чашу.

В течение всего лета никто здесь не носит оружия, потому что оно только мешает. Каждый охотник и каждый поселенец соблюдает время, в которое охота запрещена, чтобы не наносить ущерба дичи. Это не касается, конечно, одного случайного зайца, но мы не имеем никакого желания охотиться в запретное время. Скорее мы вытащим на обед рыбу из воды или кусок вяленого мяса из рюкзака, чтобы зажарить его на вертеле.

Хейка остановился, глубоко втянул воздух и напряг слух. Он услышал звук, который показался ему подозрительным. Крупная дичь была где-то поблизости.

Здесь не было большого разнообразия крупных зверей, кроме нескольких одиноких оленей, которые отбились от пасущихся севернее стад и поэтому одичали. Были, конечно, и лоси, только давно уже ни один из них не показывался. «Может быть, это уркнула куница или лиса», — подумал Хейка и хотел идти дальше. Звук был похож, только ниже тоном. Вот опять!

«Фу, дьявол! Медведица!»

Хейка знал, что ни о каком другом медведе не могло быть и речи. Он знал немногих медведей этой местности и не мог ошибиться. Здесь жила только она со своим Марбу.

Она еще не видела Хейку. Но у медведей все равно глаза не очень острые, и они полагаются больше на свое чутье, которое действует безошибочно. Судя по ветру, она, должно быть, давно его учуяла.

Что же теперь делать? Если он покинет лес и выйдет в тундру, где далеко видно, то сможет не опасаться мед-

ведицы. Если же и она последует за ним — придется вступить в бой.

Стало быть, он должен попытаться ее обмануть, пройти мимо и скрыться в ущелье. Может быть, она совсем и не думала его преследовать.

Бесшумно пошел Хейка дальше. Проклятый ветер выдавал его, конечно, и ему пришлось держаться немного восточнее, чтобы лишить медведицу возможности чуютъ его. Он шел теперь быстро, с меньшей осторожностью и вскоре исчез в ущелье.

Вверху на скале стояла медведица. Ее взгляд искал Марбу, а не человека, запах которого она уже давно учуяла и знала, где он шел. Марбу не было. Теперь ее охватило беспокойство, потому что мимо прошел человек. Чтобы найти Марбу, она должна наблюдать за человеком.

Когда Хейка вышел из ущелья и хотел подняться по склону, навстречу ему как раз сползала медведица. В мгновение ока Хейка очутился вверху на противоположном склоне, в то время как медведица стояла еще внизу и нюхала его следы. Хейка знал, что это значит. Хладнокровно наблюдал он сверху за медведицей, которая не смотрела по сторонам, полагаясь лишь на свой нос. В это время она обошла холм, чтобы подняться на него с другой стороны. Так же как взобрался сюда, Хейка соскользнул с крутого склона, перепрыгнул внизу собственный след и побежал обратно по ущелью, где он недавно прошел. Если все пойдет хорошо, то он по крайней мере оторвется от медведицы, если не избавится от нее окончательно.

В это время под ноги ему и подвернулся Марбу. Как будто он вырос здесь из-под земли, этот с собаку ростом пушистый ком с двумя веселыми глазками и остроконечными ушами, толстый и доверчивый, не боящийся человека. Для приветствия не было времени, и Хейка продолжал бежать, только раза два крепко выругался. Марбу

был ошеломлен, однако повернулся и последовал за человеком, вблизи которого он, может быть, предполагал встретить Тулли. Но Тулли не было. Так мчался Хейка по буграм и канавам, петляя, точно заяц, переползая через каменные глыбы, пока не перестал слышать фыркание Марбу.

Когда Хейка сидел против меня в лодке, то и дело раскуривая трубку, он от всей души смеялся над собой.

— Бежал я, дорогой мой, так, что меня не смог бы догнать и чемпион мира,— говорил он.— Я задыхался, но все же бежал. На больших спортивных праздниках позади бегущих нужно всегда гнать медведей, чтобы бегуны тмались вскачь.

— Тогда это был бы не спорт, Хейка.

— Да, о спорте при моей беготне не могло быть и речи,— согласился он со мной.

Когда я посмотрел на часы, было уже два, солнце слабо светилося на северо-востоке, постепенно приближалось утро.

ВОЛКИ ТУНДРЫ

Медведи, кроме людей, не имеют врагов, потому что они самые сильные звери в этих местах. Ни один зверь не рискнет приблизиться к ним и не противится, когда почувствует на своем загривке тяжелую лапу. Поэтому медведи стали неограниченными властелинами своей округи и, вероятно, могли бы широко распространиться и произвести большие опустошения среди животного мира, если бы человек предоставил им свободу действий. Только человек может заставить их покинуть привычные места и унести свою шкуру. Они обладают тонким чутьем и избегают мест, где за ними могут охотиться. Мужчинам они по возможности уступают дорогу, женщинам же и детям едва ли. Поэтому не случайно во время созревания ягод медведей чаще видят женщины, чем мужчины.

Еще осторожнее медведей серые собаки тундры — волки. Они почти невидимы и исчезают, не уходя далеко — будто проваливаясь сквозь землю. Здесь, на Севере, они безопасны для человека. Чтобы утолить голод, волку не нужно нападать на человека, а иначе зачем ему это делать?

В тихом согласии живут волки и медведи, так как они не беспокоят друг друга. Собственно мне не нужно было бы упоминать о волках, потому что они не принимали никакого участия в жизни Марбу, и все же они имеют отношение к ней, как часть тундры. Я хочу упомянуть обо всем, что имело отношение к жизни Марбу, что он видел и с какими зверями, возможно, сходиллся. Играл-то он с волками вряд ли, но видеть и слышать их ему приходилось довольно часто.

Тщетно искал я летом волков, хотя они должны где-то выращивать своих детенышей. Были люди, которые находили волчат, приносили их домой и продавали, однако едва ли они при этом дожидались возвращения волков с охоты. Волк, который видит своих детенышей в опасности, становится свирепым. Кое-кто, проходя зимой на лыжах по болотам, заметив волка, привязывал нож к лыжной палке и закалывал зверя, но никто еще не нападал на защищавшую своих детенышей волчицу.

Хотя волк очень вредный хищник и уничтожает очень много зверей, на него редко охотятся. Его стреляют больше при случайной встрече. Если же волки собираются в стаи и нападают на оленьи стада или вламываются к поселенцам и задирают овец и коров, то на них устраивают большие облавы. Для уничтожения волчьих стай применяют даже войска. После второй мировой войны волков в тундре разыскивали с самолетов, потому что эти хищники ужасно размножились.

Летом волки, живущие большей частью в одиночку, довольствуются мелким зверьем — мышами и леммингами, однако большой ущерб наносят также и белым куropаткам. Так как они пожирают все, в том числе и падаль, то часто раскапывают зарытое медведями и лисцами мясо и лакомятся им. Быстрое пищеварение понуждает их к постоянной охоте.

Редкий зверь хитер так, как волк. Даже лису легче отравить, чем волка. Сколько раз они подшучивали над мной и другими охотниками, замата следы и уходя почти от верного выстрела. Даже загнанные в тупик волки находят выход.

Если несколько волков собираются вместе, что может произойти осенью, они окружают загнанную дичь и разрывают ее. Оленьи стада они преследуют целыми часами, а то и днями, пока не отстанет одно животное, на

которое они могут напасть, не остерегаясь собак. Пока пастух находится при стаде, волк не трогает оленей: стоит ему повернуться спиной, как они уже здесь и наносят урон.

Места, которые считались свободными от волков, за ночь занимались ими. Мы наблюдали и преследовали стаи, которые бродили по кругу, и возвращались примерно через четыре недели. Где они прошли, там охотнику не нужно ставить свои силки, потому что после волков остается немного дичи.

Если волк удачно охотился поблизости от поселенцев, то очень скоро он приходит опять. Успех лишает его осторожности и приводит тем самым к гибели. Один местный житель, у которого позади дома была задрана лошадь, каждую ночь выжидал у окна, пока хищник, действительно, не пришел спать и не был застрелен.

Не всегда удается вклепить свинец так быстро и верно. Иногда волк не раз вламывается в хлев, рвет все, приходит снова и, несмотря на это, остается живым. Выброшенный яд, в большинстве случаев стрихнин, он проглатывает очень редко, обычно тут же выплевывает и уходит живым.

Я люблю охоту на волка, она напряженная и требует от охотника большой выдержки. Охотятся на него с пулями или с крупной дробью, как придется. Саами закалывают его, потому что они редко носят ружье.

Если одинокий волк видит человека, он с любопытством приближается к нему, но остается вне досягаемости выстрела. Нападать он не отваживается. Может быть, он предполагает вблизи человека найти добычу — внутренности оленя или пойманную в силки и застреленную дичь. Он ведь очень хитер. Если человек идет дальше, то волк иногда следует за ним, сохраняя дистанцию и остерегаясь ее сократить. Кто в таком случае идет без оружия, легко может перепугаться и пуститься сразу наутек.

Меньше всего боятся волков в тех местах, где они водятся. В страшные истории о нападении волков там не верит ни один человек. Кто не труслив, тот не сбежит даже от нескольких волков, хотя их вой и звучит не совсем привлекательно. Дубинкой каждый в состоянии убить нескольких волков¹. Силы одного зверя недоста-

¹ Здесь автор преувеличивает.

точно, чтобы справиться с крепким оленем, на пасущуюся в тундре лошадь волк остерегается нападать. Только перед стаей обречен любой зверь, кроме медведя и росомахи. Росомаха, по словам охотников, может спастись на деревьях.

Я сам с женой некоторое время жил в местности, где водились волки, и охотился, хотя и безуспешно, на этих хитрых зверей. Мы редко выходили тогда без оружия, потому что эти бестии подходили ночью к самой нашей избушке, и по утрам мы находили на снегу их свежие следы. Волков было несколько, и им приписывались нападения на оленей. Наш дом стоял далеко в стороне, а еще дальше жила одна семья поселенцев; их десятилетний ребенок ежедневно ходил в школу за шесть километров через места, в которых водились волки. Малышка их не боялась. Много часов проводила она в пути и всю зиму волки не трогали ее¹.

Каждый поселенец ненавидит волков и преследует их где только может. Я же не постоянный житель тундры, и мне нечего терять. Поэтому я смотрю на волка иначе и люблюсь им, как любитесь охотник всем, что принадлежит природе. Для меня нет ничего прекраснее, чем стоять в тихую зимнюю ночь в тундре, когда все укутано снегом и северное сияние полыхает по небу. Ни один звук не нарушает тишину. Такая полная тишина бывает только на Севере. Местами видны тонкие березки в полусвете, потому что это не ночь и не день, а своеобразные сумерки, рожденные снегом, луной и звездами. Если в это время над безмолвной природой вдруг раздастся волчий вой, то мороз пробегает по коже. Именно так, потому что это не страх, а холодный озноб. Волчий вой неопишуем: он ужасен и красив, дик и первобытен. Еще красивее сам волк, когда он стоит на холме и воет в ночь.

Встречаются и воющие собаки, происхождение которых идет по прямой линии от волков. Хотя собак травливают на волков и потому между ними не существует дружественных отношений, не так уж редко встречаются их помеси, большей частью похожие на волков, но иногда и на собак. Для охраны стад они едва ли пригодны.

¹ Волк действительно редко нападает на людей, особенно если в этой местности достаточно пищи, в данном случае — стада оленей.

Трусость волков сохраняет их от уничтожения. Прежде чем отважиться на нападение, он обеспечивает себя на всякий случай от неожиданностей, всегда готовый к отступлению. Ему не придет в голову перепрыгнуть через забор, если он не может также легко выбраться обратно. Он избегает ловушек, очень недоверчиво относится к привязанным животным и берет их только в крайних случаях. Голодный, он становится безумно смелым, только здесь, на Севере, ему не приходится голодать.

Чтобы распространение волков не стало угрожающим, государством назначены премии за их уничтожение; это побуждает охотников и поселенцев охотиться на волков. Если весной кто-нибудь найдет целый выводок, то это доходное дело, к тому же волчат можно продать в зоологический сад или любителю. Старый же волк приносит охотнику, кроме денег за шкуру, еще премию. Пока у жителей глухих мест есть ружья и они, как всегда, без особого разрешения будут заниматься охотой, ни о какой угрозе со стороны волков не может быть и речи. Только во время войны, принесшей жителям глуши много зла, так как у них были отобраны ружья и они не могли охотиться, волки чудовищно расплодились. Пройдут еще годы, прежде чем пастухи будут иметь возможность оставлять свои стада пастись без присмотра и прежде чем звери тайги и тундры будут снова до некоторой степени в безопасности от Изегрима¹.

ПЕРВАЯ ОХОТА МАРБУ

Медведь в первый год жизни еще слишком мал, чтобы нападать на крупных зверей. Все, что ему нужно, он получает без борьбы и в игре проводит свою юность.

Марбу не был исключением, только ему не хватало сверстника, с которым он мог бы драться и резвиться. Медведица, вероятно, еще страдала от ранения и была для него слишком медлительной. Без смысла и цели скакал он по лесу, гонялся за бабочками или лазил по деревьям, хотя там наверху ему нечего было ловить.

Хейке он больше не встречался, но другие его видели и рассказывали об этом. Они вовсе не искали его, чтобы

¹ Прозвище волка в немецких сказках и баснях.— *Прим. перев.*

полюбоваться этим неуклюжим существом, а встречали случайно и жалели, что оказывались перед ним и медведицей без ружья. Зимой, по их мнению, им обоим должен был прийти конец.

Когда медведица заметила, что люди за нею наблюдают и что на Утсйоки уже небезопасно, она покинула эту местность и описала большой полукруг, избегая открытой тундры. Марбу следовал за ней, но частенько убегал на болота, где ягод было больше. В это время его видели одного, но он исчезал в лесу, как только замечал приближающихся людей.

Однажды медведица была не в духе. Мучил голод. В ее возрасте ни один медведь не довольствуется почками и ягодами, а охотно убивает иногда крупное животное, чтобы полакомиться им. Несколько дней ей не удавалось добыть никакой пищи. Теперь у нее урчало в животе.

Ворчанием и шлепками подгоняла она Марбу, который понятия не имел о том, чего она от него хотела. У него, однако, пропала охота играть, и он тащился за ней, понурив голову, на большом расстоянии. Едва хватало времени, чтобы поесть жуков, ягод и почек.

Потом они остановились у ручья и хотели половить рыбу, но не поймали ни одной. Форели, казалось, догадывались, что большая тень опасна для них. Когда же еще и Марбу вошел в воду и окончательно разогнал рыбу, медведица снова пустилась в путь.

В одном месте им все же посчастливилось, и они учуяли пададь, лежавшую едва прикрытой в ложине, вероятно, остатки от обеда какой-нибудь лисицы. Еды было немного и вкус ее был не особенно хорош, но все же она успокоила желудки. Марбу захотелось было снова бежать на болота за ягодами. Там было еще много перезрелой морошки. Коричневые и очень крупные висели ягоды на кустах с большими листьями. Но медведица лишь заворчала и побрела дальше.

Не видно зайцев и не слышно свиста леммингов в камнях. Неужели все вымерло? Марбу лег,лизал лапы. Он не проявлял никакого желания двигаться дальше. Только когда старуха исчезла, быстро побежал за ней.

Вечером они ловили леммингов, а медведица поймала даже большую белую куропатку. Крупные птицы поднимались и улетали, а мелочь сновала по земле и в

ветвях старых деревьев. Все это была не еда для медведей.

В эту ночь медведица стояла в кустарнике и смотрела через луг на двор колониста Косонена. Конечно, пахло человеком и собакой, однако она учуяла и других животных — овец и коров, которые, вероятно, паслись в лесу. Она стояла там часами и только наблюдала.

Эта ночь была темной, облачной и дождливой. Утро над лугом выдалось тоже пасмурное. Было похоже, что наступает холодная, сырая погода. Медведица побежала обратно в лес, никем не потревоженная. На той стороне, казалось, все крепко спит.

Потом опять наступил день, за который Марбу нашел немного. Он поел только зелени и ягод да вдобавок несколько червей и жуков.

Медведица голодала. С вечера она лежала, но ночью, опять пасмурной, встала и пошла на противоположный край луга. Марбу был с ней. Она тщательно проверяла воздух, внюхивалась в ветер, не выказывая никакого беспокойства и не издавая ни единого звука. Марбу старательно подражал ей во всем.

А дальше было так. Медведица медленно выбралась из кустарника, еще раз осмотрелась и затем шаткими прыжками, немного прихрамывая, перескочила через открытое место. Затем замедлила шаги и осторожно подошла к красной пристройке. Не останавливаясь, она пошла вдоль стены, достигла двери, остановилась, обнюхала и надавила на нее. Своими пятью центнерами¹ она ломала кое-что покрепче, чем дверь хлева. Когда дерево подалось, внутри поднялась ужасная суматоха. Шесть овец почуяли медвежий запах, обнаружили щель в двери и, давя друг друга, проскочили около медведя, промчались по лугу и скрылись в лесу.

Во время бегства животных Марбу испугался и пустился наутек, однако, когда все успокоилось, возвратился. Конечно, он тоже пытался проникнуть внутрь пристройки, но испуганно выскочил обратно. Внутри что-то дребезжало. Раздалось еще несколько странных звуков, потом все стихло. Показалась медведица. Она пятилась задом, что-то тащила за собой и никак не могла спра-

¹ Немецкий центнер равен 50 килограммам.— *Прим. перев.*

виться. Долго тянула она и дергала, пока не раздался треск, дверь развалилась, и показалось большое мертвое животное. Марбу было куснул его, но старуха одна поволокла добычу через луг к лесу, а потом в глубь его.

В ДОМЕ ПОСЕЛЕНЦА КОСОНЕНА

Дом поселенца не крепость и не гарантирован от нападений. Нигде вокруг не увидишь забора, не говоря уже о стене. Не думал о ворах и Косонен, поэтому на двери его дома не было крепкого замка, а лишь деревянный засов. Пусть входят все, кому угодно, если даже никого из Косоненов нет дома.

Арви Косонен сам построил дом. Он соорудил небольшое крыльцо, чтобы не натаскивать в дом снег, предусмотрел небольшую прихожую, а слева оборудовал жилую комнату — светлое помещение с тремя окнами и печкой, в которой можно было печь хлеб, и обставил ее простой мебелью. Даже стол, шкаф и скамейки были сделаны его руками. Рядом находилась комната поменьше, а выше располагались две спальни, войти в которые можно было из большой комнаты по лестнице. Благодаря этому тепло от печки шло наверх и зимой обогревало эти комнатки, так что не было необходимости и наверху ставить печку. Дом поселенца не аристократическая вилла, а целесообразная постройка, в которой хорошо жить и где зачастую намного уютнее, чем в холодных каменных домах.

За все время, прожитое здесь Косоненами, а прожили они уже много лет, ни люди, ни звери не нарушали их спокойствия. Они чувствовали себя уверенно и ни о какой опасности не думали. Волки подходили иногда рискованно близко, особенно когда зимой было холодно и вновь выпавший снег затруднял их охоту. Тогда какой-нибудь из них забредал к дому, не причиняя, однако, вреда. Медведей и росомех не было видно. Однажды в курятник забрался горностай, загрыз одну курицу и больше не приходил. Это, конечно, случается там, где дремучий лес так близок.

Итак, здесь жил Арви Косонен со своей женой Лизой и детьми — Юхани, Вильямом и Онни. Дети вот уже два дня находились в избушке у ближнего озера. Они

взяли с собой собаку и хотели ловить рыбу. В эту ночь Арви Косонен проснулся и прислушался. Ему показалось, что завизжал ворот у колодца. Но кто же в это время пойдет к колодцу за водой? Возможно, пришли домой дети. Арви снова улегся и заснул.

Через некоторое время он снова проснулся. На этот раз его разбудил не ворот, а чувство опасности. Кто-то был в доме. Дети пошли бы наверх и должны были пройти через спальню родителей.

Арви Косонен встал, натянул брюки и спустился по лестнице. Внизу все было тихо, дверь комнаты закрыта, а наружная заперта изнутри на задвижку. Дети, стало быть, не могли войти в дом. Раз уж он проснулся, то решил пройти перед домом, как некоторые имеют обыкновение делать, и тут ему бросилась в глаза открытая дверь хлева. То ли он не закрыл ее вечером, то ли Лиза еще раз была у коровы? Арви, ничего не подозревая, направился к хлеву.

Дверь была взломана! Темный след тянулся от хлева к лугу и был похож на кровь. Он нагнулся, провел пальцем и поднес к глазам. Это была действительно кровь.

Как и следовало ожидать, Арви не нашел свою корову. Ее не стало. В порыве первой ярости он захотел сорвать со стены свой «Рифле»¹ и уложить хищника, так как не было никакого сомнения в том, что это сделал медведь. Кто же еще мог убить корову и утащить ее? Во всяком случае не человек.

Арви не пошел по широкому следу. Он подумал, что медведь слишком осторожен и его не застанешь врасплох. Если он пойдет попозже, то найдет убитую корову одну, может сесть в засаду и подождать медведя, который наверняка придет, чтобы продолжить свой пир. Лиза сказала, что нужно по крайней мере хоть возвратить домой овец, но он об этом и слушать не хотел. Они были в безопасности, пока в лесу лежала корова.

В этот день Арви говорил мало. Он исправил дверь в хлев и ничего не стал есть, чему Лиза не удивилась. Они оба молчали, да и о чем было говорить?

Совершенно случайно около полудня мимо их дома проходил угольщик Равдола, в высоких сапогах, новой куртке и гладко причесанный. Он шел теперь домой и

¹ Марка ружья.— *Прим. перев.*

зашел лишь поздороваться, как это принято. Когда он узнал о происшедшем, то опечалился и задумался. Конечно, это был медведь.

— Арви, а не могла ли это быть та медведица, которую я недавно ранил? — спросил он через продолжительное время.

— Вполне возможно, потому что она ведь в конце концов тоже медведь, — возразил Арви без насмешки.

— Она, должно быть, опасная, Арви.

— Конечно, если она убивает коров.

Равдола не знал, как ему высказать свои мысли Косонену. Тот делал эту задачу чертовски трудной.

— Хейка говорил, — сказал, наконец, Равдола, — что она и у него побывала.

— Он со своим проклятым Бимбу сам виноват в этом, — злился Арви.

— Мне кажется, он называл малыша Марбу.

— Бимбу или Марбу — медведи не собаки.

— Да, они не собаки, Арви.

Равдола проклинал себя, потому что топтался со своей речью на месте, а хотел сказать так много. Но это не помогло, он встал и пошел к хлеву. Там он долго искал что-то внизу и вверху, слева и справа; это продолжалось, должно быть, около часа. Иногда он нагибался, поднимал несколько волосков, что-то измерял в разных местах наконец, удовлетворенно кивнул головой и возвратился в дом.

Лиза накрыла на стол и пригласила его пообедать. Когда он ел, засовывая в рот большие куски хлеба и время от времени прихлебывая кофе, то что-то обдумывал и, наконец, сказал:

— Это была она, медведица, и Марбу с ней.

Косонены посмотрели на него в изумлении. Равдола немножко гордился своей длинной речью, которую произнес так ясно. Этому следует у него поучиться! А он ведь так редко говорил с кем-нибудь, этот одинокий угольщик Равдола.

— Ты нашел ее следы? — спросил Арви.

Равдола лишь кивнул. Теперь все было сказано.

— Тогда я убью их обоих.

Равдолы это не касалось, потому что все равно он никогда бы больше не стал стрелять в медведей. «Эх, черт, все-таки нужно было бы ее ухлопать!» «Рифле»

Арви был несомненно лучше, чем дрянное ружьишко, висевшее у него дома.

— Что ты сказал? — спросил Арви, хотя никто ничего не говорил.

— Спасибо за угощение, Лиза! Спасибо и тебе, Арви,— поспешил сказать Равдола, чтобы как можно быстрее уйти. Арви могла прийти в голову мысль пригласить его на предстоящую охоту. Но Арви не думал об этом.

ЧТО ХЕЙКА ДОБАВИЛ

— Перестрелял он их? — спросил я Хейку с нетерпением.

— Ты что это — так только притворяешься или тебя хватил солнечный удар? — ответил он улыбаясь.

В самом деле, я совершенно забыл, что приехал сюда в надежде заснять эту медведицу на кинолентку. Стало быть, она никак не могла попасть на мушку «Рифле» Косонена. Но Хейка имел особую манеру рассказывать медвежью историю. Из-за нее забывалось все, даже голод, который нам постоянно давал о себе знать.

— Медведица больше не пришла к корове? — спросил я наконец.

— Нет, потому что она слишком осторожна, чтобы дважды появляться на одном месте. Она исчезла и не показывалась нигде целыми неделями.

— В таком случае Марбу очень многому научился в эту ночь.

— Вполне возможно, только это не пошло ему впрок. Но Косонен тоже кой-чему научился и понял, что медведь не глуп и что не так-то легко его одолеть. С несколькими собаками он, пожалуй, справился бы с ним, только его собственная собака не стоит и пфеннига¹. Для этого нужны такие барбосы, которые не дают спуска.

— Медведица, конечно, после этого удачного взлома стала смелее и совершала потом подобные же гнусности,— предположил я.

— Взломов она больше не производила, однако при случае таскала скот с пастбища с наглостью, достойной

¹ Мелкая монета.— *Прим. перев.*

удивления. Есть медведи, которые очень осторожны и доживают до преклонного возраста, в то время как другие нападают на охотника, и поэтому их легко убивают. Кто в наши дни ходит на охоту с современной винтовкой, да еще чего доброго с оптическим прицелом, тому охота на медведя — детская забава. У нашего же брата нет выбора в оружии, он загонит пулю в гильзу для дробы и пойдет на хищника на авось. При таком положении медведи могут доживать до глубокой старости и околевать от дряхлости.

— Я встречал охотников, которые распяливали для просушки много медвежьих шкур.

— Об этом я тоже хочу рассказать кое-что, только нельзя путать всю историю. Речь идет о Марбу, которого ты мог бы заснять на киноплёнку, если бы пришел в эту местность двумя годами раньше. Тогда бы мы его поддержали немножко здесь — с Тулли, конечно, который в то время был еще жив.

Хейка вынул кусок хлеба, откусил и с аппетитом стал его есть без масла и копченой рыбы. В дороге мы не разборчивы, иногда едим сухой хлеб, а иногда мясо и рыбу без хлеба. Это мелкие привычки, о которых я упоминаю лишь между прочим,

ОСЕНЬ В ТУНДУРИ

Если бы я мог отправиться в глушь ради удовольствия, то предпочел бы для этого осень, потому что она для меня и многих других самое красивое время года. Весну мы все приветствуем пылко, потому что она приходит после длинной, темной зимы, с летом приходят белые ночи, зима приносит много снега для езды. Все это дает повод радоваться, однако ни одно время года не может сравниться с осенью, которая, вероятно, нигде не бывает так красива, как здесь, на Севере. В северных широтах, от Норвегии и до далеких внутренних территорий Советского Союза, осень одинаково красива, а я выделяю Северную Финляндию только потому, что в этом рассказе именно о ней идет речь.

Осень начинается когда исчезает мошкар, отравляющая существование. Уже по одной этой причине все радуются наступающему времени. Теперь созревают ягоды,

которых здесь всюду невообразимые количества. Местами от брусники земля становится красной, и ягоды дают на каждом шагу. Брусника, голубика, морошка, клюква, водяника и много других: лес и тундра — большие кладовые для людей и зверей. Люди собирают эти ягоды и сохраняют на зиму свежими, морожеными или в виде варенья, а звери в течение всей зимы находят под снегом водянику. Ее черные ягоды держатся на стеблях до нового урожая и еще дольше, так что новая созревшая ягода может висеть рядом с прошлогодней,

Сами по себе ягоды не делают эти глухие места прекрасными, однако благодаря им жизнь здесь приятней, а пища разнообразней. С созреванием ягод наступает изменение окраски тундры: великолепие оттенков от темно-зеленого до светло-красного. Собственно, налицо все краски земли и неба, даже такие их смеси, которые не рискнет применять ни один художник. Кажется, будто природа хочет нарядиться еще раз, прежде чем покроется льдом и снегом и погрузится в глубокий зимний сон. В более южных странах осень украшает землю цветами, в то время как здесь главным образом изменением окраски листьев. Даже мхи и лишайники сверкают пестротой.

Смена окраски тундры производит чарующее впечатление на всех северян, поэтому большинство людей именно в это время отправляется туда. Но северные пространства велики и могут вобрать в себя много людей, да так, что они не встретят друг друга. Я бродил целыми днями, не встречая ни единой человеческой души. Только звери были повсюду.

Теперь начинается охота на белых куропаток и зайцев, других же зверей пока оставляют в покое, чтобы лучше стал их мех. Охота на белых куропаток начи-

нается прямо-таки как по удару колокола. Каждый ждет ее — или самой охоты ради, или чтобы заработать денег. В большинстве случаев охотники договариваются между собой о том, где и сколько времени они будут охотиться, чтобы не мешать друг другу. Тундра велика, и в ней хватит места для всех.

Поначалу охота на белых куропаток просто массовый отстрел, не требующий большой ловкости. Куропатки в это время теряют свою коричневую летнюю окраску и становятся белыми. Сидят они на голых скалах или в пестром кустарнике, и их можно узнать издали. Бумага не валяется в этой местности, так что каждый может стрелять во все белое — если это, случайно, не краешек рубашки охотника, как иногда оказывается в действительности. Так как стреляют только дробью, то беда от этого невелика.

Многие тысячи куропаток погибают, прежде чем остальные научатся на их горьком опыте и станут осторожнее. Теперь они выставляют караул, ведущий постоянное наблюдение и доносящий о каждом подозрительном движении вокруг. Арр! Арр! Повсюду поднимаются головы. Целая стая клюет ягоды. Следует успокаивающее карканье. Если караул обнаружил охотника, то вся стая поднимается и с шумом улетает низко над кустарником, а через сто метров снова камнем падает вниз.

Охотник, конечно, не дает спуску. Он стреляет уже при первом приближении, убивает от двух до четырех куропаток и ждет пока стая не сядет снова. Тогда только он подбирает добычу, спускает из нее кровь, завертывает голову в бумагу и сует под крыло, чтобы не испачкать кровью перья. Подкрадываются быстро, так как укрытий достаточно. Так следует охотник за стаей, пока не перестреляет ее всю и не положит в рюкзак или пока ее жалкий остаток не исчезнет в дальнем полете.

Где охотится много поселенцев, там вскоре не найдешь ни одной куропатки. Тогда охота на них временно прекращается, пока не прилетают новые стаи из глубины тундры. Эта безлюдная и редко посещаемая внутренняя часть тундры снабжает свои окраины всевозможными зверями и птицами и остается, таким образом, незаменимым источником всякой жизни.

Точно так же обстоит дело и с зайцами-беляками, которые уже осенью становятся белыми — слишком рано

для их собственной безопасности. Белыми пятнами, следовательно, могут быть и зайцы. Теперь, конечно, охотник, занимающийся охотой как ремеслом, дающим ему заработок, не стреляет зайца, потому что он слишком дешев и бесполезно отягощает рюкзак. Куропатка, которая намного меньше зайца, почти в два раза дороже его.

Как только солнце уходит в полночь с северного горизонта, снова наступают темные холодные ночи, дни становятся короче. Тогда хорошо лежать у костра и прислушиваться к ночным голосам.

Охотнику не приходится быть разборчивым, когда он ищет место для ночлега. Тундра велика и везде одинакова. Где не растут березки, там на земле достаточно хворосга, чтобы поддерживать костер. Однако березки¹ есть почти везде — или омертвевшие и поваленные стволы, или же зеленые, горящие еще лучше. Где-нибудь располагаешься — только не прямо у воды, потому что там свежо и туманно. Потом вытаскиваешь кофейник, который имеется в рюкзаке любого охотника. После еды можно было бы спать, но не ложиться. Мне казалось, что в глуши ночь предназначена не для сна.

Иногда уже в это время на небе появляется северное сияние. Смотришь на него, любишься волнующимися лентами, световыми коническими пучками, колеблющимися линиями и дугами, пока они снова не исчезают. Иногда прилетит сова, попадет в свет от костра, попорхает ослепленная и снова вылетит из него. Потом усядется на сухой березе и сидит, словно идол.

Если ночь тихая и сухая, охотнику не на что жаловаться, но погода меняется очень быстро. Сначала закапает, потом польет, и приходится съезживаться, чтобы не лежать во всю свою длину под дождем. Чем сырее, тем выше должно подниматься пламя костра. Костер горит и сушит одежду — насколько это ему удастся. В большинстве случаев потом наступает дождливый день, сырость проникает до самого тела, вода хлупает даже в обычно непромокаемых сапогах. Порох в это время сыреет, и у него хватает силы лишь на то, чтобы вышибить дробь из ствола.

¹ Автор имеет в виду карликовую березку, свойственную тундре.

Мы все — бедняки, которые экономят на дробе и порохе. Чиновники же, что приезжают охотиться по воскресеньям, эти нежные господа, имеют покупные боеприпасы, мы же сами набиваем свои патроны, поэтому они у нас ровно в два раза дешевле. Вечером мы садимся у костра, вытаскиваем стреляные гильзы, удаляем пистоны и наполняем их определенной меркой — почти на одну треть — черным порохом. Потом затыкаем бумажным пыжом, сверху насыпаем достаточно дробы, или «граду», как мы ее называем, потом опять бумажный пыж. Чтобы все это набить в гильзу плотно, мы пользуемся палкой или камнем. После всего вставляем пистон. При расчете на крупную дичь, надо забивать в гильзу пулю или кусок железа и засыпать побольше пороха. Если он сухой, то все в порядке, сырой же порох может привести в отчаяние даже самого спокойного охотника: «град» летит едва на пять метров.

Наша охота, собственно говоря, примитивна. Ружья бывают хорошие и плохие, старые и новые, но в конце концов все меньше зависит от оружия, чем от охотника, а охотник здесь на Севере чертовски вынослив и хорош. Охотничьего языка он не знает и не маскирует шляпу под целое болото. У него и для веточек не нашлось бы места на ней.

Охотиться с северянином — не всегда удовольствие. Не говоря уже о его быстрой ходьбе, он, не колеблясь, идет по воде и, кажется, совсем этого не чувствует. Он знает местность, ему не нужно искать брода, он пересекает ручьи и ползет на руках и ногах через болота, когда хочет подкрасться к дичи.

После первых знакомств с этими людьми я стал охотиться самостоятельно, потому что двух куропаток, которые мне требовались на день, я мог убить более легким способом.

Охота на волков и медведей требует, конечно, выдержки. Нужно долго подкрадываться, если не хочешь сидеть и ждать. При этом приходится целыми днями лезть напрямик по лесам и болотам. Когда уже устанешь как собака, может быть, удастся подкрасться на расстояние выстрела, а то бывает, что приходится повернуть обратно, чтобы позже повторить все снова.

— Когда началась охота, многие охотники подстерегали обоих наших медведей,— рассказывал Хейка.— Я не хотел ничего об этом знать, потому что не мог стрелять в Марбу. Медвежонок теперь подолгу оставался один, так как он сам находил себе корм и меньше зависел от старухи. Он мог бы один залечь на зиму в берлогу, однако все снова и снова сходиллся с медведицей; его видели в разных местах и преследовали.

Для медведей осень тоже лучшее время, потому что вдоволь дичи и ягод, только наступает беспокойная жизнь из-за множества охотников. Каждый поселенец бродит с ружьем, каждый мальчик считает себя охотником. Марбу впервые в своей жизни услышал выстрелы. До этого времени он не обращал внимания на людей, но мать учила его избегать выстрелов, а вместе с ними и охотников. В общем они теперь все время убегали от какой-то неизвестной опасности.

Однажды ко мне пришел один молодой поселенец и спросил, не у меня ли еще Марбу? Я посмеялся над ним. Тогда он рассказал о встрече с Марбу: как он вышел на куропаток, а медвежонок совсем безбоязненно подошел к нему на несколько шагов. Но поселенец не убил его, подумав, что медведь принадлежит мне. Стало быть, Марбу еще раз чертовски повезло, и он снова внес неразбериху в отношения между человеком и дичью.

В другой раз врач охотился на зайцев с обеими своими лайками. Хотя лайки не очень хороши для охоты на зайца, но доктор готов держать пари за своих дворняжек. Ты знаешь, Эрих, как мы охотимся с собаками на зайцев. Как только они найдут свежий заячий след, то бегут стремглав, стараясь отыскать зайца и пригнать его к хозяину. Естественно, что охотник не должен покидать своего места, чтобы собаке не пришлось разыскивать еще и его.

Итак, нашему доктору нужен был один заяц для воскресенья, и он дошел до Утсьоки. Ему было бы легче убить его прямо за своим селом, потому что зайцев там достаточно. Но нет, три часа он бегал со своими собаками по лесу. Наконец, он навел собак на след, а сам остался ждать у ручья.

Собаки залаяли. Лаяли они далеко в горах. Доктор спокойно ждал. Сколько ждал, об этом он не хотел говорить. Собаки во всяком случае не вернулись, так что он вынужден был их искать. Целый день он бегал за ними, пока не нашел их измученными с высунутыми языками в медвежьем помете около озера. По всему было видно, что они гнались за двумя медведями и загнали их в озеро.

При таких обстоятельствах Марбу вместе с медведицей покинул эту местность. Если бы он был один, то вряд ли дал бы гонять себя этим кобелям, потому что со времени своей встречи с Тулли он перестал бояться собак. Только со старухой бегал он от них.

Куда девалась медведица, я не могу тебе сказать. Вероятно, они разошлись в результате повторяющихся облав, так что Марбу вдруг появился у меня и снова пришел в избушку. Два дня он был здесь, как будто никогда не уходил отсюда. Своим внушительным ростом и чудовищной силой он не раз нагонял страху на Тулли, так что тот больше его и знать не хотел. Даже мне он действовал на нервы, когда ненасытно опустошал миски с кормом, загораживая собой всю дверь или неуклюже опрокидывал стол и стулья. Но он всегда был добродушным.

Чтобы избавиться от него, я делал все, что было в моих силах: выставлял его за дверь, бил и пробовал увести куда-нибудь, используя приманку, но он оставался, как будто вообще больше не хотел покидать нас. Медведицу я не видел. Несмотря на это, она была, вероятно, где-то здесь поблизости, потому что позже я нашел ее следы.

В эти дни со мной произошел случай, над которым я потом долго смеялся и о котором шли разговоры далеко вокруг. Один приезжий, имевший мало понятия об охоте и жизни в тундре, зашел однажды ко мне, чтобы поздороваться и отдохнуть. Когда он постучал в дверь, Марбу просунул голову в щель и нагнал на пришельца такого страху, что он бежал от нас сломя голову.

Как пришел Марбу, так он и исчез во вторую же ночь. Тулли ходил по его следу в восточном направлении. В эту ночь я его больше не видел и вообще мне суждено было его видеть еще лишь один раз. Но это

было несколько месяцев спустя, когда таял снег и пришел чужой охотник.

— Не забегаешь ли ты вперед? — решил я перебить Хейку. Он набил трубку, кивнул и сказал:

— Совершенно верно, не будем нарушать порядок. Вскоре после этого наступила зима.

МЕДВЕДИ ЗАЛЕГАЮТ В БЕРЛОГУ

Итак, пришла зима, покрыла тундру свежим снегом и превратила пестрый край в белую дикую местность, на которой лишь кое-где торчали отдельные березы. В лесу на многих деревьях еще держались листья. Березы низко склонились, а толстые сучья хвойных деревьев ломились от лежащего на них плотного и тяжелого снега.

Беспокойно бродила вокруг медведица. Спасаясь от преследования людей, она долго бежала и, наконец, достигла такого места, где больше не раздавались выстрелы. Здесь все было незнакомо, но она чувствовала себя уверенно и, хотя подозрительно относилась к каждому запаху и не оставляла без внимания ни одного следа, ни разу не натолкнулась на запах человека.

Теперь она искала место для берлоги, заглядывая в каждый уголок, обследовала каждое дряхлое дерево и все время была беспокойной. В эти дни снег шел без перерыва, как будто весь лес должен был погрузиться в него. Снега лежало уже больше, чем на полметра.

Марбу оставался со старухой. Он искал точно так же как и она, хотя и не имел представления о логове для зимнего сна. Так и иная птица вьет себе гнездо, хотя никогда не видела, как это делается, и ни у кого этому не училась. Звери и птицы обладают таким свойством, заложенным в них природой.

Когда старуха нашла пещеру среди каменных глыб, покрытых снегом, она натаскала туда мягких и сухих веток, выкопав их из-под снега. Ими она выстлала пещеру и устроила удобное логовище.

Марбу ни в чем не отставал от матери. Разборчиво разыскивал он мох и ветки, неутомимо трусил рысцой по глубокому снегу и вел себя так, как будто уже много зим устраивал себе логовище. О корме в эти дни они

не думали, потому что были толстые и жирные, ведь медведи залегают на зиму в берлогу хорошо упитанными, способными месяцами питаться за счет своего жира.

Медведица терпела присутствие Марбу, хотя не особенно о нем беспокоилась. Если бы он залег один, она бы, наверное, не побежала за ним. Большая нежность, с которой она сначала ухаживала за своими медвежатами, уступала потом место более грубому, иногда почти враждебному обращению. Старые медведи большие грубияны, с ними шутить нельзя. Они дерутся или мирятся — смотря по настроению.

Марбу совсем не чувствовал усталости. Он по-прежнему отдыхал несколько часов в день — теперь, может быть, немного больше, чем обычно, потому что не ощущал сильного голода. Все же он ежедневно выходил из берлоги, не предпринимая, однако, далеких прогулок. Снегопад продолжался.

Когда снег стал очень глубоким, а небо хотя и посветлело, но дни еще были темными и веяло холодом над тундрой и лесами, медведица осталась в берлоге. Марбу тоже не выходил теперь наружу, а больше лежал в пещере и лизал свои лапы. Медведи делают это часами, и никто не знает почему. Они лижут, чавкают и ворчат про себя. Вероятно, занимаются этим после того, как залягут, и до тех пор, пока не устанут и не заснут. Спят же так крепко, что их не сразу разбудишь.

В логовище они чувствуют себя уверенно лишь после того, как проверят все вокруг — нет ли следов человека или вообще чего-нибудь подозрительного. Старые медведи заботятся о том, чтобы не оставить своих следов, прежде чем залечь в берлогу.

Итак, Марбу спал. Ему не было никакого дела до того, что происходило снаружи. Ведь охотник, который идет по лесу в поисках дичи, не подозревает о присутствии медведя. Лучшие лайки могут быть с ним, но и они не обнаружат берлогу. Снег замел все следы, и все исчезло.

Проспит ли медведь долго или время от времени предпринимает небольшие прогулки — зависит от того, какая будет зима. Медведица обычно спокойнее прово-

дит зиму, чем медведь. Раньше рождества медведь за-
легал редко, в то время как медведица очень рано
начинает готовиться к этому. В мягкие зимы медведи
часто выходят из берлоги, и их поэтому убивают боль-
ше, чем в сильные холода.

КОЕ-ЧТО ОБ ОХОТЕ НА МЕДВЕДЕЙ

И я охотился на медведей: бегал с одним финном
сломя голову, лежал целыми ночами в кустах и видел
в конце концов убежавшего медведя. Мне это ничего
не стоит, потому что я охотно оставляю эту тварь жи-
вой. Итак, истины ради, обо мне и моей охоте на мед-
ведей рассказывать не стоит. Однако из собственного
опыта знаю, что для охоты на медведей требуется боль-
шая выносливость, потому что приходится претерпевать
разного рода лишения.

Хейка — рассказчик, которому можно верить, он сам
убивал медведей.

Охота на медведей так же стара, как само челове-
чество. Древнейшими свидетельствами о ней служат
пещерные изображения каменного века, о которых ар-
хеологи могут рассказать лучше, чем я. Медведь — одно
из самых распространенных животных — водится в Ев-
ропе, Азии, Америке и в некоторых областях Северной
Африки. В наше время он истреблен во многих стра-
нах, где когда-то водился в больших количествах.

Охота на медведя без ружья не такое уж великое
дело для охотника, привыкшего к примитивному ору-
жию. В давние времена его убивали даже без помощи
собаки, так как собака появилась у человека позже.
Охотник должен был убивать медведя, если не хотел
быть сам разодранным на куски. Кто не обладал боль-
шой отвагой, тот не мог стать охотником на медведей.
До сих пор охота на них слывет делом отважных и по-
всюду пользуется уважением. У многих народов, живу-
щих охотой, медвежьи когти служат украшением храб-
рых охотников.

Тому кто ныне убьет медведя из новейшей винтовки
с оптическим прицелом, не следует вешать когти на
шею, потому что он не совершил подвига. Теперешняя
медвежья охота в том виде, как она происходит у охот-

ников-любителей, особенно у богачей, не может быть вписана как славная страница в историю охоты. Она протекает в большинстве случаев так:

Когда поселенец обнаруживает медвежью берлогу, он объявляет об этом, затем появляется какое-нибудь маленькое охотничье общество и просит показать ее. После этого на берлогу натравливают собак, поднимают медведя и пристреливают в удобный момент. Улю-лю, охота окончена, поселенец получает заработанные деньги.

Один из моих друзей в молодости был бедняком и хотел кое-что заработать. Он отправился с охотничьим обществом в Ледовитый океан, носил там пять ружей для нескольких иностранцев, бродил с ними далеко по льду и подавал оружие, когда они хотели убить белого медведя. У охотников буквально до самого выстрела были руки в карманах, потому что медведи сами шли на незнакомых им людей.

Кто охотится таким образом, тот, естественно, не подвергается никакой опасности, но вместе с тем и не испытывает прелести настоящей охоты. Он может убить двадцать медведей и все-таки останется на всю жизнь жалким слепцом, прошедшим мимо множества прекрасного. По мне лучше неудачная, но настоящая охота. Именно тогда я вступаю в соприкосновение с дикой природой и глубже ощущаю ее.

Мой приятель Хуббен гонялся за медведем с дробовиком, заколотив в патрон кусок железа. Мне бы

никогда не пришло на ум поступить таким образом — я просто последовал его примеру. И с такими ружьями мы отправились на медведей! Нужно просто благодарить бога за то, что медведь показал нам свой зад вместо пасти.

Когда я рассказал об этом Хейке, он засмеялся и сказал:

— В таком случае брось ружье и ложись лучше на нож. Набросится медведь — коли, да смотри не промахнись. Отыщи побыстрее пятое ребро слева, чтобы попасть куда следует.

— Спасибо за хороший совет, Хейка, однако я бы не хотел, чтобы дело дошло до этого, — возразил я сухо.

— Тогда бери топор — он длиннее.

— Обойдусь без медвежьей шкуры.

— Из тебя не выйдет порядочного медвежатника, — заключил Хейка. — Правда, и я стреляю, но всегда учитьваю, что могу промахнуться и что единственным оружием у меня останется нож.

— Поэтому ты бываешь спокойным и попадаешь?

— Можешь быть уверен. После иногда бывает слабость в животе, но потом все проходит.

Эти парни охотятся в одиночку, чтобы не делить добычу. А медведь — хорошая добыча. Он дает около двухсот килограммов мяса и хорошие деньги за шкуру. Во многих домах на Севере стены украшены картинками, изображающими медвежью охоту: на них несколько собак, взлетевших в воздух, рас-

свирепевший медведь того гляди схватит одного охотника, а из ружья другого блеснул смертельный выстрел. Картины большей частью дрянные и все же правдивые. Охота на медведей выглядит точно так. Если первый выстрел окончится неудачно, со зверем шутить нельзя. Он перебьет собак и доберется до охотника, если тот вовремя не пустится наутек или не схватится за топор или нож.

При нападении медведь обычно встает на задние лапы, идет вперевалку к человеку и пытается его обнять. Это используют старые охотники.

Начинается с разыскивания берлоги, в которой медведь залег на зиму. Берлоги бывают самые различные: одни медведи устраиваются в пещере, другие в дупле дерева или под елкой со свисающими до самой земли ветвями: такие ели часто встречаются на Севере. Охотники поднимают спящего медведя большим шумом. Зверь просыпается не сразу, он постепенно приходит в себя. Совсем заспанный выбирается наружу и кажется ошеломленным. Часто он просто убегает, и его приходится останавливать собаками, однако иногда он выпрямляется, идет на человека и хочет его обнять. Охотник выставляет навстречу зверю обмотанную левую руку, правой прицеливается и наносит удар ножом. Топором, напротив, бьют обеими руками, причем некоторые охотники предпочитают удар снизу в нижнюю челюсть, чтобы потом второй удар нанести по черепу, а другие сразу стремятся ударить по голове. Удар снизу опережает удар медведя, который очень часто, защищаясь, бьет лапой.

Этот вид медвежьей охоты, конечно, может прийтись по вкусу не всякому человеку и редко применяется. Простой охотник идет на зверя не ради спортивного интереса и с удовольствием использует возможности современной охоты. Борьба один на один и так не исключается, если первый выстрел не достигает цели и зверь переходит в наступление. Это относится к медведю, а также к лосю и волку.

— Раньше больших зверей ловили в ямы,— продолжал Хейка.— Повсюду ты можешь встретить глубокие ямы, которые остались с тех пор. Их прикрывают хворостом, а сверху в виде приманки кладут убитого зверя. Редко когда не бывает удачи.

Я действительно находил много таких ям, использовавшихся также для ловли диких оленей. Теперь они так обвалились и заросли, что их трудно узнать.

ЗИМА В ТУНДРЕ

О Марбу рассказывать нечего, потому что зиму он проспал. Хейка перескочил через это темное и холодное время года, чтобы продолжить свой рассказ с того момента, когда полусонные медведи с пустыми желудками впервые покинули берлогу, чтобы поразмять свои кости. Однако я все же совсем кратко опишу зиму, чтобы завершить картину безлюдного края, а затем сделаю экскурс к саами, которые имеют отношение к рассказу как коренные обитатели этой земли.

Хотя зимы в Арктике и субарктике темные и поэтому привлекают к себе немногих людей, все же я находил эти зимы прекрасными. Это не значит, что я считаю великолепным непременно то, что другие люди отвергают, просто люблю зиму в высоких северных широтах, как и всякий другой, кто не домосед.

Между прочим, во время войны на эту землю пришло много людей, которым в мирное время никогда бы не пришлось в голову перебираться сюда. Одни кое-как приспособились к северной зиме, другие ее проклинали и лишь немногие были в восторге. Вынужденный приезд в чужую, да к тому же суровую страну действует на человека угнетающе. Кроме того, любая страна во время войны выглядит совсем иначе, чем в мирное время.

Другое дело мы. Кто здесь живет постоянно, тому глушь стала родной и только в ней чувствует он себя хорошо. Сам я родом не из этих мест, но так долго жил на Севере один и вместе с семьей, что могу здесь с удовольствием жить годами. У нас, стало быть, другое отношение к этой суровой природе и мы воспринимаем ее такой, какая она есть. Мне не известен ни один случай, когда какая-либо семья раскаивалась в переселении из более южных мест в эту северную глушь.

К темноте привыкают, хотя и не с особым восторгом. Но ведь это не такой уж мрак, каким его многие себе

представляют. Даже в рождество на улице можно читать газету, если она у вас есть. Ночью в полнолуние из-за северного сияния и снега на дворе бывает иногда так светло, как в комнате, освещенной светильником. О настоящем мраке в арктическую зиму вообще не может быть и речи.

Холод убийственный — так написано во многих книгах. Если одеваться в местную одежду, то есть носить меха, то его не ощущаешь. При сорока градусах мороза я лежал под открытым небом и не замерз, при сорока восьми градусах вместе с женой застревал в пути на оленях и не погиб. С холодом, стало быть, можно справиться.

Таковы теневые стороны долгой зимы, которые искупаются радостями охоты и путешествия на нартах. Кто ездил на дальние расстояния от деревни к деревне на лошадях, запряженных в сани, тот охотно вспоминает об этом, а кому приходилось мчаться по тундре на оленях, тот не забудет этого всю жизнь. Чтобы пережить такой путь, я готов отдать несколько лет своей жизни.

Тундра зимой покрыта глубоким снегом и простирается на многие мили без единого деревца, словно замерзшее озеро. Границу ее иногда невозможно установить. Лишь по долинам видны небольшие леса, куда и перекочевали звери. Знающий жизнь этого глухого края чувствует себя хорошо в безлесной снежной пустыне, находит дрова под снегом, а в некоторых местах и дичь.

Лес великолепен. Заваленный снегом до нижних ветвей деревьев, он просто сказочен. В нем обитает масса зверей, это целая охотничья область. Плохо одно: здесь можно по грудь провалиться в снег, в то время как снег на открытой местности держит лучше. Но ведь у каждого охотника есть лыжи, и глубина снега не играет роли.

Я научился любить этот северный зимний лес и мог проводить в нем целые дни. Тогда где-нибудь возникала покатаемая крыша из ветвей, рядом горел костер, а я сидел под ней и писал.

Таким образом я написал почти все свои книги.

Черные чумы, вихрем несущиеся олени упряжки, отважные фигуры в пестрой одежде, большие стада и обширный дикий край — так представлял я себе Лапландию, когда был на пятьдесят сантиметров ниже ростом и с ранцем за спиной бегал в школу. Позже я близко познакомился с этим краем, приобрел собственных оленей и совершенно освоился. Действительность оказалась такой же прекрасной, как мечты. Так как свои впечатления о Лапландии я описал в другом месте, то мне хотелось бы лишь вкратце упомянуть о саами и скольтах¹, живущих в тундре, и описать их такими, какими я увидел их во время одной поездки на мотоцикле. Тогда у меня за плечами было уже пять лет, прожитых в Лапландии, и я прибыл в страну не как чужестранец.

Итак, я катил на своем мотоцикле, мучаясь на противных щебеночных дорогах и время от времени вылетая из седла. Такие уж эти дороги. Редкие автомобили, проходящие по ним, проделывают две колеи в щебне, по которым собственно очень хорошо ездить, потому что они плотные. Однако это не нравится администрации дороги, которая посылает грузовики, снабженные чем-то вроде снегоочистителей, чтобы сделать ровное, однако не совсем прочное покрытие. И вот по этим дорогам, на которых можно свернуть шею, едешь целыми днями.

Чем севернее, тем меньше дорог. Местами они совсем прерываются. Затем на Севере начинается шоссе, ведущее через Печенгу до самого Ледовитого океана.

Чтобы передвигаться здесь на мотоцикле, нужно не быть очень нежным и не бояться падений. Во всяком случае мне тоже приходилось ездить там, где о дороге не могло быть и речи. Предупредительных знаков нет. Если едешь в глушь, позаботься о том, как выбраться обратно.

Хотя в Финляндии 70 000 озер, в ее северной части есть огромные леса и большие пространства тундр, где не так уж много воды. Дорога далеко не везде идет среди озер, она углубляется и в бескрайние леса, и выходит на голые горные кряжи с широкими торфяными

¹ Скольты — немногочисленная народность на севере Финляндии, главным образом в районе Печенги.— *Прим. ред.*

болотами и равнинами. На многие мили не встретишь ни одного дома, не увидишь ни одного человека. Здесь словно на краю света.

Однажды я мчался на север и немало удивился, увидев в совершенно глухой местности девушку-саами в пестрой юбке; она стояла на краю дороги и читала газету. Рядом с ней был почтовый ящик. Вместо того, чтобы оторваться от газеты и удивленно посмотреть на меня, девушка вообще не обратила на меня никакого внимания. Даже когда я остановился и сфотографировал ее, она осталась безразличной.

Я улыбнулся украдкой такому упрямству. Девушка мне нравилась. Она была совсем не хорошенькая, но в ее поведении прямо-таки воплотился сам народ — саами.

— *Buore baeive!* — приветствовал я на ее языке и спросил: — *Gos don boatak?* Откуда ты?

Тогда она вскинула удивленные глаза и посмотрела на меня.

— Кто ты? — спросила она в свою очередь.

— Меня зовут Эрих и Туискалас, у меня были олени и я со своей женой, которую вы называли Риегу, бывал у всех саами.

— Это ты? — она обрадованно потянула мне руку. — Я Карин, дочь Осасто. Добро пожаловать к нам, Туискалас!

Такие они все, эти прекрасные дети природы. И если сумеешь заслужить их расположение и доверие, то не найдешь лучших друзей, чем они. Саами в Финляндии живут оседло и более или менее приобщились к цивилизации, в то время как в Норвежской Лапландии и в Швеции есть кочевники, живущие в чумах. Кто в Финляндии держит большое стадо оленей, тот живет в избе. Поэтому он не имеет возможности кочевать со своим стадом. Такой вид оленеводства возможен лишь в богатых кормом областях.

Когда я мчался от селения к селению, то уже издали узнавал нарядные избы и простые хижинны колонистов и саами.

Гостеприимство было везде одинаково. Бедняк ничего не требовал за ночлег, однако само собой разумеется, что его гость удовлетворялся шкурой, разостланной на полу, и не претендовал на большее. Он и сам переночует точно так же скромно, когда отправится в путь и будет искать ночлег у других. Это гостеприимство, присущее не только скандинавам, но и всем народам Севера, в сущности взаимно. Чтобы не пришлось самому остаться ночью под открытым небом, каждому поселенцу приходится принимать других и бесплатно их угощать. Живя в палатке, мы часто должны были потесниться, когда к нам приходил кто-нибудь из жителей тундры.

Многие поселения не видны с дороги. Они основывались где-нибудь в стороне, иногда в нескольких милях от путей, потому что или там была лучше земля, или озеро обещало более богатые уловы рыбы. Впрочем, колонист не бывает особенно удручен, если ему не понравится место или разочарует земля. В таком случае он разбирает дом, отвозит сруб за несколько миль и строится вновь, чтобы испытать свое счастье на новом месте. Тундури велика!

Но даже самый отдаленный поселенец хочет иметь связь с внешним миром, для чего он устанавливает почтовый ящик на ближайшем к нему участке дороги. Напишет он письмо, опустит в этот ящик, укрепит флажок на нем и отправится обратно в свое уединение. Пройдет когда-нибудь потом почтовая автомашина, шофер увидит флажок, положит его в ящик, а письмо заберет с собой. Иногда ящики бывают открытыми. Тогда шофер бывает вынужден придавить камнем почту поселенца — газеты, письма или деньги, чтобы их не унесло ветром.

До сих пор ничего не пропадало, даже деньги могут лежать открыто целыми днями и не найдется ни одного нечестного человека, который бы их взял. Здесь нет воров.

Итак, девушка Карин пришла к дороге, когда я мчался через тундру, обдавая все вокруг запахом бензина. Она саами и гордится этим. Видя ее стоящей у обочины, трудно представить, как она живет, ведь на этой бесконечной дороге она не дома.

Родина саами — нетронутая глушь, в которой стоят чумы и пасутся большие стада оленей. В Финляндии

в чумах живут лишь пастухи, а их семьи остаются в домах. У кого есть олени, тот не может покинуть эти дикие места. Здесь саами должен проводить свою жизнь, суровую и полную лишений.

Кроме этих саами, существует еще маленькое племя скольтов, которые также занимаются оленеводством, однако одеваются они не так, как саами, и не относятся к их прямым родственникам. У них своя культура, свой язык. Основная территория скольтов находится в районе Печенги.

Летом саами и скольты ведут спокойную жизнь, стерегут стада и ловят рыбу в озерах. В это время опасность со стороны волков так незначительна, что они временно могут оставлять стада без присмотра. Если не принимать во внимание комаров, к которым они давно привыкли, у них не бывает особых неприятностей. Даже затяжные дожди им не страшны. Зимой они радуются приближающемуся лету, летом — зиме, потому что у обоих времен года есть свои преимущества.

Зима для этих людей Севера, несомненно, более напряженное время года из-за опасности нападения хищных зверей и необходимости быть постоянно бдительными, но она приносит и много радостей от бега на лыжах и езды на нартах.

Саами запрягают одного оленя, скольты же ездят на нартах, запряженных тройкой! Я сам ездил на двух оленях, потому что третий очень часто сходит с узкого следа, утопает в снегу и висит в упряжке вместо того, чтобы тянуть.

Бывает езда и наперегонки, бешеная гонка на полудиких животных! Она продолжается иногда целыми днями по тундре и по глубоко заснеженному лесу — чтобы съездить к стадам, принять участие в распродаже оленей с аукциона, на праздники, на охоту или просто ради удовольствия. Лагерная жизнь на снегу, короткий сон у костра под северным сиянием, охота! Без этих радостей жизнь зимой была бы чертовски тяжела. Глаза иногда слипаются от инея и льда.

Несмотря на все это, северяне сохранили сердечную теплоту и юмор. Они не злы и никого не обманывают. Когда приезжаешь к ним, не нужно заботиться об оленях, потому что они попадают в верные и надежные руки.

«Ого, Эрх, ты далеко ездил! — сказал однажды наш приятель Аслак, глядя на двух моих оленей, имевших весьма печальный вид после недельного путешествия. — Дай их мне поставить снова на ноги».

Через четыре недели я получил их из его стада хорошо откормленными и отдохнувшими, и он ничего не потребовал за это. За дружескую услугу Аслак не берет денег.

ОЛЕНИ ТУНДРЫ

Марбу спал; он проспал всю зиму. За время рассказа Хейка успел проголодаться и хотел теперь хорошенько подзакусить, прежде чем продолжать. Поэтому мы поплыли к берегу, добрались до одного болота со множеством кустарников и карликовых березок, где расположились лагерем и быстро сварили кофе. Каждый из нас завернул форель в газетную бумагу и закопал в горячую золу, чтобы испечь.

Пока готовится пища, у меня есть время, чтобы добавить еще несколько слов о северных оленях. Хейка не останавливался на таких мелочах, потому что я все это знал. Его рассказ касался лишь Марбу и медведицы.

Важнейшее животное Севера все же северный олень, благодаря ему и возможна жизнь многих народов в субарктике. Сначала на него охотились, а потом стали разводить. Дикие северные олени водятся в некоторых горных областях Норвегии, а также и других северных странах, в Финляндии же вряд ли. Во всяком случае охота на северных оленей потеряла свое значение, в то время как разведение их приносит большую пользу многим народам.

Олень, как мы называем его для краткости, очень неприхотлив, но он не может долгое время обходиться совсем без пищи, как, например, медведь. Иначе он мог бы проспать всю зиму и не терпеть лишений. Как только начинается первая вьюга и земля покрывается снегом, олень должен разгребать все более толстый снежный покров, чтобы отыскивать олений мох¹, которым он

¹ Олений мох, или, правильнее, ягель, — название нескольких видов лишайников из рода кладония, служащих основным кормом северных оленей. — *Прим. ред.*

питается всю зиму. Никто не помогает ему в этом, потому что у кочевника от сотни до трех тысяч животных и он не может заботиться о каждом из них в отдельности.

Если даже глубина снегового покрова достигает метра, олень не погибнет от голода. Когда он пасется, то почти не виден в глубокой траншее из разрытого снега. Лишь лед и наст быстро отнимают силы у оленя, он слабеет и может стать добычей хищных зверей. Здоровый олень уходит от медведя и принимает бой с волками, причем в большинстве случаев заканчивает его успешно. Горе волку, который нападет на здорового оленя. Как правило, он будет нанизан на рога и подброшен в воздух.

Езда на отдохнувших оленях — большое удовольствие, но требует от ездока много ловкости. Полудикие животные сначала мчатся очень быстро. Бывает, что олени, нарты и ездок образуют запутанный клубок, причем иногда трудно угадать, кто из всего этого выйдет победителем. Местному ездоку никогда не придет на ум выпустить поводья из рук, иначе он останется один посреди широкой тундры и несколько дней проищет свою упряжку.

Перед поездкой в тундру нужно научиться ездить на самых скверных животных, чтобы быть готовым ко всему. Во время моего «ученичества» мне ежедневно давали разных оленей, и уже через четырнадцать дней я не уступал в езде ни одному саами.

По моей просьбе старый скольт рассказал об оленях:

«Наши предки были охотниками на оленей. Они, вероятно, позже чем саами перешли к их разведению. Еще пятьдесят лет назад мы ловили диких оленей и с их помощью освежали кровь животных наших стад, потому что скрещивание оленей одной и той же породы дает малорослое потомство. Ловили диких оленей, загоня их в ограды, которые ты можешь увидеть недалеко от нашего селения в лесу».

Я действительно проходил мимо поломанных и поросших мхом столбов и жердей.

«Саами, с которыми мне приходилось встречаться, использовали своих оленей лучше,— продолжал он.— Наши женщины хотят покупать красивые ткани, а нам

для выездов нужно одеваться только в меха. Раньше олень давал нам все, в чем мы нуждались, то есть одежду, нитки, чулки, обувь, кости для резьбы, шкуры, кожу и многое другое».

И действительно, если при сорокаградусном морозе носить льняные платья, как мне это приходилось видеть, можно легко простудиться. Самых здоровых кочевников я встречал в чумах.

Когда я упоминаю об этом, я совсем не отхожу от темы об оленях, потому что оленеводство определяет образ жизни саами и скольтов и оказывает большое влияние на сохранение здоровья людей.

Если здесь не обрабатывать землю и не ловить рыбу, то приходится иметь дело с оленями. Все держится на них. Причем пришелец едва ли их увидит, ведь олени пасутся в далекой тундре и на холмах, куда редко заходит гость. Кому же удавалось их видеть и наблюдать, как они тянутся по бесконечным снежным пустыням или пасутся под полunoчным солнцем, того всегда будет тянуть к ним, потому что часы эти незабываемы.

ХЕЙКА РЫБАЧИЛ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ

Теперь он жевал, потягивал горячий кофе и чувствовал себя уютно. Комаров не шлепал, потому что не ощущал их укусов. Я их давил только тогда, когда они слишком плотно облепляли затылок или руки, впрочем, у меня тоже был против них иммунитет.

Во время еды Хейка не говорил. Зачем ему делать два дела одновременно? День велик.

Я кончил быстрее, чем он, потому что он ел много хлеба. Поэтому он брал с собой целую сумку хлеба — черного, серого и анисового — по своему вкусу. По мне серый был лучше всего.

— Еще одну рыбу, Эрих? — спросил он вдруг. И мы испекли еще по одной. Если знаешь свое дело, не приходится сидеть долго с удочкой. Рыба будто ждет крючка.

Для себя мы брали не всякую. Нет, только хорошо упитанную, не слишком старую и большую, не слишком маленькую и тощую, и не ту, что жила в илистых ме-

стах, так как это портило ее вкус. Когда дело касалось собственной еды, мы были очень разборчивы. А для продажи летело в бочку все, что попадало на крючок или извлекалось из сети.

— Iаһа, мы знаем толк в еде! — похвалил Хейка, засовывая нож в ножны и вытирая жирные пальцы о брюки. Я подумал уже, что он набьет трубку и снова будет двадцать раз прикуривать, однако на этот раз он разобрал ее и стал чистить заботливо и не торопясь. При этом он говорил:

— Приходи зимой, когда я прорублю лед. Тогда буду ставить сети под лед. Это требует большого труда.

— Тебе, стало быть, нужен помощник? — подтрунивал я над ним.

— Нет, я не об этом думаю! Ты бы мог это заснять на кинопленку. Тут прорубь и там прорубь, а между ними стоит сеть.

— Мокрые пальцы и тридцать градусов мороза не каждому по вкусу, — возразил я. — Ты зависишь от рыбной ловли?

— Нет, это ты неправильно представляешь. Зимний лов мне больше по душе. При колке льда еще никто не замерзал, так что мокро бывает, стало быть, только при вытаскивании сети. Впрочем, в избушке всегда тепло. Зато зимой большое преимущество в том, Эрих, что рыба может долго лежать, не теряя качества. Лучшие цены я получаю зимой, когда рыба самая вкусная. Чтобы ее отвезти, я одалживаю лошадь и катаюсь на ней туда и обратно. Легче для меня и не может быть.

— А кто покупает рыбу?

— Ее берет каждый торговец, а также и потребительское общество. На форелей спрос большой.

Мы вытащили сверток из золы, разрезали ножом обуглившуюся бумагу и извлекли из нее рыбу. Она почти таяла во рту.

— Ты слышал, Хейка, будто бы здесь поблизости тоже совершали жертвоприношение? — сказал я, внезапно вспомнив об интересовавшем меня вопросе.

Он кивнул, немного пожевал и произнес:

— Это как и везде: старые саами приносили жертвы. Я знаю, что здесь у них была молебеня на той горе, которую ты видишь, а также внизу у озера, где стоит высокий камень. Старый Эйко рассказывал мне, что он

ловил со своим отцом рыбу и попал в сильную бурю. Чтобы уцелеть, они обещали своему доброму божеству много рыбы. Тут буря улеглась, и они благополучно добрались до берега. И вот отец Эйко подумал, что теперь-то уж с ними ничего не случится, и назвал жертвоприношение старомодной глупостью. В это мгновение лодка наскочила на камень, дала течь и затонула. Они оба, правда, спаслись, но все же потеряли лодку и рыбу. Я думаю, что подобных рассказов здесь вокруг полно.

— Да, я слышал их у саами и скольтов. Говорят, что жертвы приносились еще совсем недавно.

— Эрих, наш край велик, и в нем происходят иногда удивительные вещи. Никто не верит в призраков, и все же иногда можно перепугаться.

Я лишь кивнул, потому что знаю страну и людей. А как было с одним стариком из Варангер-Фьорда? Он тоже тайно жертвовал рыб и его бог принимал жертвы. А что оказалось на самом деле? Приходил Оула, старый плут, и клал принесенную в жертву треску в свой горшок!

Воистину, Хейка, много чудес в тундуре!

В ПОЛОВОДЬЕ

Когда проходит темное зимнее время, дни становятся длиннее, а о ночи не может быть и речи, тогда в более южных странах расцветают первые весенние цветы. И когда там стар и млад радуются маю, здесь, на Севере, еще царит суровая зима. Снег лежит на целый метр, а то и больше, потому что с самого ноября он ни разу не таял, а из-за постоянных морозов стал крепким. Даже теплые солнечные дни не в состоянии его растопить.

Потом все же начнутся дожди и ветер — фён загуляет по скалам. Горе человеку, который окажется в тундре во время оттепели! Весна не любит шутить.

Много раз я веселый выходил ранним утром на лыжах, не думая ни о чем плохом, а снег был холодный и прочный, пока вдруг не начиналась оттепель и я до самых колен не проваливался вместе с лыжами. Шаг за шагом тащился я многие километры по глубокому липкому снегу! На оленях мы просто застревали. Тогда

ничего не остается, как ждать мороза или после короткого отдыха тащиться дальше. Однако никто при этом не погибал.

Ну, а уж если нужда в это время выгоняет в тундури, надо избегать оттепели. Приходит тепло сверху — держись по возможности в низинах, а если тает сначала внизу — ищи высоких мест. Если не помогает ни то, ни другое, приходится ждать ночи, надеясь на похолодание или небольшой мороз. В середине мая дни бывают жаркие, а ночью наступают морозы до минус двадцати градусов. В таких случаях снег тает не целый день. Однако во время дождей ночью не бывает холодно, и нужно иметь в виду, что через неделю от снега не остается и следа. Саами спешат поэтому как можно быстрее достигнуть со своими стадами побережья Ледовитого океана, где олени должны пастись все лето.

Чудесно это стремительное весеннее пробуждение! Реки, промерзшие на метр, устремляются поверх льда, поднимают его, ломают и гонят с пеной на север, к морю. Зимой они превратились в пути сообщения, по их льду ехали нарты, сани и даже грузовики. Сейчас их буйство ошеломит каждого пришельца, увидевшего такое превращение впервые. Где еще несколько дней назад не было воды, все бурлит и клокочет, как в адском котле.

Вода стекает вниз по всем склонам, застаивается на торфяных болотах, поднимает снег и становится опасной для всех путешествующих по тундре. Она повсюду — в каждой деревне, на лугах и дорогах, вокруг домов и во всех сапогах.

Через несколько дней проходит самое тяжелое время. Сколь стремительно вода прибывала со всех сторон, столь же быстро и ушла. Исчезли снега, привычного зимнего ландшафта как не бывало.

Если идти теперь по тундре с открытыми глазами, можно стать свидетелем маленького чуда: всюду цветут растения. Это плотные подушки с маленькими почками и нежными цветками, различнейшие виды каменистых растений, у которых уже под снегом образовались почки и только ждали таяния.

Весна начинается очень поздно, и потому непродолжительна. Она приходит одновременно с полуночным

солнцем, приносит цветы и бабочек, птиц и радость во все дома. В основном это уже лето.

Точно так же быстро перестраиваются люди с зимы на лето. Весенний переворот влечет за собой усталость, однако у саами, скольтов и настоящих людей глуши она совсем не заметна. В это время они уже загорелые, как негры, потому что солнце над покрытой снегом тундрой палит нещадно. Летнее настроение к ним приходит так же быстро, потому что они радуются лету еще задолго до его наступления.

И вот лес снова зазеленел. В светлые ночи превращение происходит очень быстро, словно все должно спешить, чтобы за короткое летнее время успели созреть плоды. Буйный ветер колышет деревья и мелодичный шелест разносится по тайге, обычно такой тихой.

МАРБУ ТОЖЕ РАСКРЫЛ ГЛАЗА

Медведи, вероятно, проспали бы еще дольше, если бы в их берлогу не набежала вода. Когда наступило половодье, они спали ещё очень крепко. Но однажды снег растаял вокруг берлоги. Сначала на них начало медленно капать, потом потекло тонкими струйками, набиралось все больше и больше, пока не образовалась лужа, которая поднялась выше подстилки из ветвей.

Марбу проснулся первым. Он неохотно открыл глаза, глянул на свет и увидел бегущую воду. Сырость ему не понравилась. Он не боялся воды, но сегодня ему было все так не по нутру, словно камень засел в желудке. Чувствовал он себя прескверно, и если бы не лежал в талой воде, то, вероятно, снова бы заснул.

Он провел обеими лапами по глазам, точно прогоняя сон. Потом сел. Однако в животе у него был явный беспорядок.

Урча Марбу выбрался из своего логова. Он совсем не беспокоился о старухе, потому что был достаточно взрослым, чтобы пойти своей дорогой. Тут он остановился, повертел головой и посмотрел на погруженный в сырое месиво лес, не зная с чего он должен начать. Тающий снег не манил его на прогулку, к тому же у него болел живот. Вялый, сумрачно озираясь, тронулся

он в путь, добежал до деревьев, неожиданно остановился и его вырвало.

Через несколько часов он почувствовал сильный голод, так как его кишки были пусты. Ощущение тошноты, возникшее в результате долгой зимней спячки и наполненных кишек, вдруг покинуло его. Он быстрее стал обследовать почву и кусты, ища съедобное. Ему хотелось не мяса, а скорее молодых почек березы, некоторых лишайников и ягод водяники. Все это не нужно было долго искать, оно встречалось повсюду в больших количествах. Пища вместе со свежей водой восстановила его внутреннее равновесие, и он опять стал похож на прошлогоднего Марбу, резво скакавшего по тундре и лесам.

Но все же он немного изменился. Прежде всего он стал взрослым и уже не таким игривым. Он не забирался теперь на дерево потехи ради, как делал это раньше. А ведь висел бывало там вверх, уцепившись от страха обеими лапами за ветви, глядя вниз и страшась высоты! Вверх взбирался он быстро, но когда спускался вниз, то каждый раз его охватывал страх. Эти времена остались позади.

В первые дни после пробуждения Марбу был по горло занят тем, что набивал свой желудок зеленью и ягодами. Это необычайно освежило его и пробудило старые инстинкты. Только тогда он стал осматриваться в поисках мышей. Но в это время мышей не было. Большую их часть переловили горностаи, иные погибли в талой воде, так что Марбу пришлось бы долго искать, прежде чем найти хоть одну мышь. В конце концов он понял это. Но на кого же ему охотиться, если аппетит требует чего-то более существенного.

В поисках пищи бродил он вокруг. Логовище его больше не интересовало, не беспокоился он и о медведице. У него теперь было достаточно хлопот о самом себе. Горностаи выскочил из норы, запрыгал по мокрому снегу, оставляя за собой крошечные следы, и исчез так же неожиданно, как и появился. Марбу не стал преследовать его. Горностаи проворные звери, могут очень быстро укусить и к тому же воняют мускусом. Ему это было противно.

Три глухаря клевали что-то в черной лесной земле. Это лакомая добыча. Но птицы улетели, как только заметили хищника. Глухари были слишком расторопны.

Марбу мог ждать. Он был терпеливым охотником и особенно не считался со временем. Что он не мог поймать сегодня или завтра, может быть, само прибежит в его лапы. Ему не приходило в голову связываться с теми зверями, знакомства с которыми у него были неудачные, или на которых не имело смысла охотиться.

Гопля! Вот заяц был ему как раз по зубам! Когда он так трусил рысцой, перед ним вдруг выскочил на смерть перепуганный косой. До него не было и двух шагов!

Вот теперь Марбу показал, как ловко и быстро он мог гнаться за зайцами. Медведь может бегать быстрее лошади! Вихрем мчался он позади зайца, огибая деревья и ломаясь сквозь стоявшие на пути кусты и чуть-чуть не схватил его. Но тут в самый последний момент заяц сделал крюк, перескочил через лежавший на пути ствол дерева, свалился в илистую воду и исчез.

Марбу, как мешок, покатился по мокрому снегу, когда захотел остановиться, видя, что заяц прыгнул в сторону. Но быстро повернулся, прыгнул через ствол прямо в ил, от которого только брызги пошли, схватил бедного зайца и так тряхнул раза два, что сломал ему шею.

Так Марбу добыл себе мясную пищу, о которой мечтал. Он поедал ее медленно и осторожно. Когда же собрался уходить, начался дождь.

Дождь шел всю ночь и потом весь день. Некоторые звери так и погибли от этой ужасной сырости. Покажись солнце хоть на один час, звери бы обсохли! Но его не было видно на небе целыми днями. Марбу не погиб. Хотя ему и не нравилось такое количество воды, он все же выходил из положения, бегая трусцой по лесу и отыскивая места посуше.

КОНЕЦ УГОЛЬЩИКА РАВДОЛЫ

Кое-где в северных лесах я встречал костры для обжигания угля, у которых трудились жившие в одиночестве угольщики. Где они работают, там тайга еще в большинстве случаев не тронута. Когда же вырубят почти весь лес в одном месте, они переселяются и со-

оружают свои костры на другом месте. Поэтому они не строят капитальных жилых домов, а живут в простых постройках из торфа и жердей, которые не особенно жалко бросать при переходе на новый участок.

Большинство угольщиков — совсем не безродные холостяки, а отцы семейств, у которых где-нибудь есть и дом и семья. Во время работы они живут в лесу и неделями не бывают дома. Впрочем, угольщики попадались мне редко.

Итак, Равдола был старый угольник, который редко жил дома, потому что его дети уже стали взрослыми и он по существу был одинок. После того как он проводил свою жену в последний путь и собственноручно насыпал землей ее могилу, его все больше и больше тянуло в лес. Жизнь его, собственно говоря, была в основном закончена, оставалось лишь немного ее закруглить.

Благодаря своему тихому, почти незаметному существованию Равдола не нажил ни друзей, ни врагов. Каждый охотно встречал и провожал его, и он приходил и уходил как добрый дух.

Довольно редко его можно было увидеть идущим по лесу. Когда выходили все продукты или когда набиралось достаточно угля, ему приходилось отправляться в деревню. Его зять приезжал за углем на телеге, а сам Равдола в это время с удовольствием делал небольшой крюк, чтобы зайти к поселенцам и пожелать им доброго дня. Это были его воскресные дни, которые не всегда совпадали с календарными.

На этот раз он всю зиму прожил в деревне, где стоял его дом — немного поодаль на опушке леса, в котором теперь вели хозяйство его зять с дочерью. У них было три коровы, лошадь и много овец. Там было достаточно работы для того, чтобы Равдола занимался ею всю зиму.

Теперь же он шел в глубь леса. Перед этим он заходил к Косоненам пожелать им доброго здоровья и попить кофе, как это принято. Соседство обязывало их время от времени посещать друг друга, хотя между их домами было расстояние в пятнадцать километров.

Равдола шел по дороге. Это не была дорога, покрытая щебнем, с канавами по обе стороны, а всего лишь необработанная лесная земля с проложенными кое-где колеями от телеги, ведущими от деревни до самой

его хижины. В отличие от более короткого пути, ничем не обозначенного, на котором можно было свернуть себе шею, этот путь Равдола называл «дорогой», хотя ее нельзя было назвать даже тропой.

Вдруг он смутился, нагнулся и покачал головой. Перед ним лежал медвежий помет. Что было здесь нужно этим зверям? Јаһа, лес велик и открыт для всех. Может быть, они даже наведались к его хижине и вломились в нее. От медведей можно ожидать всего, потому что с их силой они могут пройти и сквозь стену.

Однако Равдола нашел все в том же виде, в каком оставил, когда уходил из леса. Когда он устроился подомашнему, потому что любил порядок, то совсем забыл про медвежий помет и попытался даже немножко что-то насвистывать, хотя это звучало, наверное, не особенно приятно. Теперь он снова был у себя дома, уложил нарубленные осенью дрова в костер, прикрыл его землей и с удовольствием посмотрел на вьющийся дымок.

От угольщика всегда пахнет смолой и дымом. Этим запахом пропитаны его одежда и волосы, да и вся хижина. Это совсем не дурной запах, но такой, который не свойствен другим людям.

Чтобы прожить, Равдоле требовалось, немного. Большую часть продуктов он приносил с собой из деревни, остальное стрелял неподалеку от хижины или ловил силками. Хотя каждый поселенец и каждый охотник соблюдает запретное время, потому что оно полезно ему самому, весной никто не придерживается строгого запрета и стреляет куропаток даже тогда, когда охота на них уже запрещена. Равдола тоже выходил иногда, чтобы пострелять глухарей на деревьях или убить зайца.

Так, он однажды отправился с ружьем в руке и ножом на боку. Отойдя не так далеко, он вдруг услышал, будто позади него кто-то фыркнул. Не подозревая ничего плохого, он обернулся. Перед ним стояла хромая медведица со злобно сверкающими глазами.

С перепугу Равдола ничего не успел предпринять. Он не был настоящим охотником, и за всю свою жизнь не убил ни одного медведя, и не заколол ни одного волка, так что и сейчас, имея ружье и нож, он не знал, что делать. Так и стоял беспомощно и ждал могучего зверя.

Медведица напала не сразу. Был ли при этом Марбу — трудно точно сказать, потому что его след не был найден. Но что это была хромая медведица — точно установлено. Как заявило большинство охотников, лишь она одна находилась тогда в этих лесах.

Едва ли медведица специально пришла за тем, чтобы погубить угольщика. Зверю не свойственно чувство мести. Но когда он снова видит перед собой старого противника, прежние впечатления вновь возникают перед его глазами, о чем известно на основании многочисленных наблюдений за животными. Многие животные спустя несколько лет узнают человека, вспоминают прежнюю симпатию или антипатию и поступают соответственно.

Так было с медведицей. Она увидела человека, вероятно, совсем не узнала его и только почувствовала запах смолы и дыма, который свойствен лишь немногим людям. Одновременно с этим запахом воскресло впечатление от звука выстрела и горячего жжения между ребрами.

Стоя против человека, она приходила в ярость. Ее глаза стали злыми, а ворчание предостерегающим. Вероятно, Равдоло мог убежать. Он этого не сделал. Парализованный страхом, он видел, как она поднялась на задние лапы и пошла на него. Что произошло далее, никто не знает, видно и он не долго это чувствовал, так как нападающий медведь умеет действовать быстро. Косонен три недели спустя шел по лесу и нашел бедного угольщика Равдолу ужасно изуродованным, лежащим в кустарнике лицом вниз. Не долго думая, он похоронил беднягу на месте происшествия и прочитал молитву.

С тех пор прошел год.

ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ

— Что было потом, ты можешь себе представить, — сказал Хейка, дойдя до этого места и продолжая то и дело набивать трубку. — Словно бес прошелся по этому лесу. Все, кто мог стрелять и имел мало-мальски годное ружье, бродили по тундре. Смерть Равдолы могла стать завтра участью любого обитателя глуши. Мы

могли бы пропустить целую стаю волков и посчитать ее безобидной, потому что думали только об этой проклятой медведице.

— Бедный Марбу,—вставил я тихо.

— В отношении детеныша у нас не было никаких намерений,—пояснил Хейка.—Конечно, ему не следовало попадаться на дороге, потому что могли прихватить заодно и его, однако никто о нем не вспоминал. Наверное оттого, что мы его считали уже самостоятельным, он ведь уже осенью имел обыкновение бродить в одиночку. Мы выслеживали исключительно медведицу.

— А той и след простыл.

— Имей в виду, что после такого злодеяния прошло три недели и к тому же она опасалась возможности преследования.

— Разве медведь представляет себе возможные последствия своих действий?—спросил я Хейку.

— Этого я не знаю, Эрих, однако он избегает всего, что связано с человеком. Почему медведица задрала корову Косонена, наелась вдоволь и больше не возвращалась? Этому есть веские основания. Точно так же и с Равдолой она лишь расправилась, а есть не стала. Если бы она ни о чем не догадывалась, то мы бы ее нашли.

— А вы ее не нашли?

— Нам легче было бы найти потерянную булавку в болоте, чем эту бестию. Лучшие медвежатники вышли на нее. Мы не могли себе представить, куда она запропастилась, потому что облазили весь лес и осмотрели всю тундру.

— В таком случае вы могли бы найти Марбу!

— Мы и нашли. Это опять не в похвалу мне будь сказано. Ты можешь понять, что мы, как соседи Равдолы, упорно искали медведей. Я ходил в большинстве случаев с Арви Косоненом. Охотиться лучше одному, но вдвоем у костра быстрее проходит время, потому что можно немножечко поболтать.

Косонен не видел еще ни одного медведя, не считая убитых. Однако его мужество не вызывает сомнений. Не многие поселенцы встречались с медведями и другими хищниками, потому что они довольствуются охотой на белых куропаток и в лучшем случае иногда пой-

мают красную лису. Он, стало быть, не мог знать, как ведет себя медведь, когда столкнется с человеком.

— Попытается сбежать,— предположил я.

— Они удирают в большинстве случаев. Но один не удрал! И это был Марбу!

Хейка выколотил трубку и погреб немного в сторону озера. Я же в это время сидел против него на второй скамейке, опершись на вынутое весло, чтобы было удобнее слушать. Мне было безразлично, куда поплывет лодка.

— Опять я все перепутал,— сказал Хейка, крутя головой.— Итак, мы бегали по лесу, измучились как собаки и проклинали медведицу. Я был сыт по горло от долгого пребывания в лесу, к тому же по ночам мы чертовски мерзли. Здесь ее не было, там мы ее не находили, где она могла быть? Косонен предложил зайти в мою избушку и как следует выспаться. Я был согласен. Застрелил наспех еще одного глухаря, на которого из-за большого расстояния мне пришлось израсходовать пулю. С глухарем в рюкзаке и двумя патронами, заряженными дробью, в «Дриллинге»¹, мы двинулись в путь. Едва прошли сто метров, как перед нами очутился Марбу. Почему эта тварь не сбежала от выстрела, одному небу известно. Сытый и добродушный, стоял он, смотрел на нас своими маленькими глазками и, казалось, поджидал.

«Медведица!..» — вскрикнул Косонен и приготовился стрелять. Я удержал его, отвел его ружьишко в сторону и сказал только: «Марбу!». Арви посмотрел на меня удивленно и подумал, вероятно, что я сошел с ума. Можешь себе представить, что Тулли вилял хвостом и ждал, когда ему позволят приветствовать своего старого друга. Я спустил его с поводка и предоставил эту возможность. Не издав ни звука, собака подскочила к медведю и запрыгала вокруг.

«Ты не хочешь стрелять?» — спросил меня Косонен.

«Стреляй ты», — ответил я. Но он тоже не выстрелил. Мы подошли к Марбу и похлопали его по шкуре. При этом обоих не покидала жуткая мысль, что он может нас пришибить. Но Марбу вопреки порядку вещей нас

¹ Марка ружья.— *Прим. перев.*

не пришиб и, когда мы пошли от него, смотрел нам вслед, покачивая головой.

— Он не пошел с вами?

— К счастью, нет. Два человека, охотящихся на медведей, и бегущий позади них медведь выглядели бы очень смешно. Я был рад, что он остался.

— Как же получилось, что другие охотники их не увидели?

— Вероятно, оба медведя держались тундры, которая совсем не так далеко просматривается, чтобы в ней не могли спрятаться два медведя. Охотники обыскивали главным образом лес.

Хейка больше не греб. От нечего делать он вновь закинул удочку.

— И так и сяк прикидывал я, не продать ли мне Марбу,— продолжал он.— Он был моим медведем. Каждый поселенец подтвердил бы мое право на его шкуру. Так как он не приносил вреда ни одному человеку и не трогал женщин и детей, собиравших ягоды в тундре, то пользовался особой любовью, из-за чего я и хотел его продать в зоопарк. Там бы он был в большей безопасности, чем здесь.

— Медведь остается медведем, и каждый имеет право застрелить его при удобном случае.

— Этого-то я и боялся! Поэтому Марбу должен был исчезнуть. Я говорил тогда об этом с Арви Косоненом, который вполне со мной согласился. Цирк тоже дал бы кое-что за такого ручного медведя. Но где был цирк? Как мне было связаться с каким-нибудь зоопарком? И как я должен был внушить Марбу, что ему нужно сесть в грузовик, чтобы жить в покое? Видишь, Эрих, мы простые люди, мы умеем стрелять, но не любим много писать. То, что выходит за пределы наших ежедневных занятий, мы делаем неохотно. По этой причине я откладывал это дело с недели на неделю, пока не стало слишком поздно, и я потерял право на Марбу.

Хейка отвернулся, притих и вытянул из воды удочку.

— Специалисту по животным ничего не стоит захватить с собой ручного медведя,— сказал я.

— Возможно. Косонен тоже этого не знал. У нас пропало желание охотиться на медведей. Медведицу мы не нашли, а с Марбу мне не хотелось встречаться. Кроме того, я понял, что Тулли был совершенно испорчен.

На это некому обижаться. Тулли прежде был хорошей охотничьей собакой, шел на крупную дичь и зверел, когда находил медвежий след. После совместной жизни с Марбу он стал дружелюбным по отношению к медведям. Ты думаешь, он мог чують Марбу? Медведя — пожалуй, но не одного совершенно определенного. Прежде чем мы наткнулись на Марбу, он должен был подать голос.

— Какой ветер был, Хейка?

— Достаточно благоприятный для хорошей собаки. Он давно учуял медведя, но не реагировал так, чтобы мы могли это заметить. С таким же успехом перед нами могла бы очутиться медведица. Что тогда? Лай Тулли дошел бы до нас слишком поздно.

— Он все же пошел бы на нее?

— Конечно, но слишком поздно. Если собака, почуяв медведя, до последнего момента верит, что перед нею Марбу, мне она бесполезна.

— Сколько времени вы искали медведицу?

— Четырнадцать дней, точно я этого не знаю. Все увидели безрезультатность поисков и рассчитывали на скорое возвращение медведицы. Тогда мы до тех пор охотились бы за ней, пока не убили. Но ты должен понимать, Эрих, что у всех нас есть свои дела и мы не можем ждать какую-то медведицу. Косонен должен был подготовить свои поля, я хотел идти на мельницу, у каждого было столько дел, что никто больше не говорил про медведицу. Может быть, она все же ушла и больше не возвращалась. Равдола лежал в земле, и если мы остальные остались невредимы, то могли лишь радоваться этому Весной у каждого так много работы, что дня не хватает и приходится звать на помощь ночь.

Ты знаешь, как оживленно и быстро проходит по нашей тундре весна.

ВСЮДУ ПТИЦЫ

Как только снег растаял, начинается это оживление и совсем не в селениях, где оно означает начало полевых работ, а в тундре, куда большими стаями возвращаются перелетные птицы, чтобы заселить острова Ледовитого океана. Миллионы птиц тянутся по небу.

Как в море птиц привлекает изобилие рыбы, так в тундре их привлекают массы комаров¹. Из-за них сухопутные птицы прилетают издалека. Чтобы описать всех птиц, которые остаются в тундре, потребовалась бы целая книга. От воробья до лебедя — здесь представлены все виды северных птиц, а также и встречающихся в наших краях. К ним следует добавить много хищных и морских, потому что один вид влечет за собой другой, а водяные птицы находят себе корм в изобилии на озерах.

Всеми любимая птица на Севере — пуночка, желанный гость на всех дворах. Зимой она белая как снег. Еще более распространенная и также любимая — золотистая ржанка; за ней следуют турухтаны, бекасы, многие певчие птицы, кукушки и дятлы, снегири и сойки. Я называю их без порядка, как они встречаются у нас в лесу и тундре. Все прямо-таки кишит птицами.

Когда я целыми днями бродил по тундре и тайге, из-за птиц не чувствовал себя одиноким. Они щебетали повсюду, а обычно пугливая кукушка здесь такая ручная, что к ней можно приблизиться на двадцать шагов. Но кому здесь придет в голову преследовать птиц? Ни у кого этого и в мыслях нет. Только жизнь гусей не находится в безопасности. Дикие, или серые, гуси прилетают весной в тундру, высиживают яйца, выращивают гусят и чувствуют себя спокойно. Но прежде чем гусята начинают летать, их повсюду отслеживают поселенцы, забирают с собой домой и выкармливают. Дикие гуси становятся совершенно ручными и ведут себя совсем как домашние. Только осенью, когда их дикие собратья потянутся на юг, они становятся беспокойными и хотят улететь вместе с ними.

Под строгой охраной находится лебедь. Эта благородная птица встречается реже, ее можно увидеть на уединенных озерах, однако стрелять и ловить запрещается. Несмотря на это, иногда случается, что пораженных или унесенных хищными птицами молодых лебедей находят, забирают с собой, а затем выхаживают и некоторое время держат дома.

Привязчивость этих птиц трогательна. Я знаю даже такой случай, когда одна женщина, выходявшая лебедя,

¹ Это верно только для некоторых видов птиц.

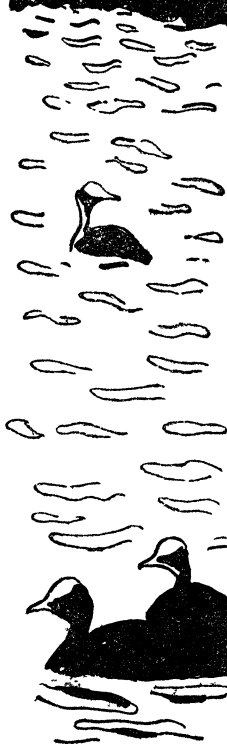
хотела вновь пустить его на волю и просто не могла избавиться от него. Она уносила его далеко в тундру, а он прилетал вместе с ней обратно. Когда она уходила за дровами или ягодами, он был совсем кротким, однако при приближении чужого человека становился ревнив и налетал на него. Так как содержание лебедей во дворах не разрешено, то женщина вступила в конфликт с законом. Один поселенец, исполнявший обязанности полицейского, взял дело на себя и отвез лебедя очень далеко. Прежде чем он возвратился из этой невольной командировки, лебедь уже снова был у своей опекуни. Они вынуждены были оставить его у нее до тех пор, пока он сам с лебедями не улетел на юг. Следующей весной он не возвратился.

Полезные птицы утки. Они кладут яйцо за яйцом в специально для этого выставленные ящики, а местные жители забирают их и едят, оставляя затем несколько штук для высиживания. Я познакомился с одним человеком, который рассказал мне по секрету, что он попробовал то же самое на парочке лебедей, в результате чего она осталась без вывода.

Часто я ходил в тундру лишь за тем, чтобы порадоваться птицам. Возбужденно взлетали золотистые ржанки, когда я приближался. Мы называли их гейлами. Они здесь самые распространенные из птиц, кое-где на них охотятся, в основном же никто их не беспокоит. В своем желтом, золотисто-зеленом оперении они выглядят нарядно и по характеру забавны. Гнезда их одно возле другого. В то время как самки высиживают яйца, самцы заливаются трелями в воздухе, вдруг камнем падают вниз, семят вокруг самок, кланяются, потом снова взлетают и повторяют игру сначала.

Вылупившиеся птенцы очень пугливы, прячутся при опасности, и их едва ли кто сможет найти. Однако родители пытаются отвлечь от птенцов нарушителя спокойствия, для чего жалобно стонут и представляются беспомощными или нападают, когда отвлечь невозможно. Лисица, которая их выслеживает, под ударами множества птиц обращается в бегство.

Столь же привлекательна птичка хрустан, или глупая сивка,—тоже ржанка, но она предпочитает горы. Ее оперение черноватое, на груди ржаво-красное, на брюшке — белое.

Реже встречается птица, которая здесь обитает постоянно и которую я считаю одной из самых симпатичных. Мы знаем ее как круглоногого плавунчика. Она встречается на побережье, однако гнездится на озерах тундры.

Я не хочу более подробно описывать всех птиц, потому что они второстепенные персонажи этого рассказа. Жизнь каждой из них могла бы заполнить целую книгу. Я имею в виду турухтанов, смотреть на которых могу без усталости, а так же другие виды, обитающие в тундре.

Турухтаны прилетают даже на лужайки возле селений, клюют там мошек и комаров и ссорятся из-за всего. Хотя они находят достаточно корма, все равно постоянно дерутся. У самцов есть особый воротничок в виде жабо, который они поднимают, когда изгибаются к бою. Потом они наскакивают один на другого. Дерутся они не только из-за самок, но почти из-за всего, что могут увидеть или поймать. Особенно странно то, что бьются они лишь на особых боевых площадках, в то время как вне этих площадок ладят между собой. Когда они охвачены боевым пылом, их легко ловить и

сажать в ящик. Там они ведут себя не пугливо, а задорно, как и на воле. Только когда вылавливаются птенцы и начинается их вскармливание, самцы теряют свой задор, а осенью свое жабо вдобавок.

Естественно, что стаи птиц привлекают разного рода хищников. Помимо орлов, с которыми мы уже познакомились, в небе пролетают соколы и кружатся другие

хищные птицы, а на земле за птицами охотятся куницы, россомахи и лисицы. Каждая птица умеет по-своему защищаться, поэтому, несмотря на усиленное преследование, они до сих пор не переводятся.

Когда я на голых высотах вспугиваю белую куропатку с птенцами, они рассыпаются во все стороны. Одно мгновение — и их нет. Если бы на моем месте оказалась лисица, то ей достались бы один или два птенец, но ни в коем случае не весь выводок. Природа устроила так, что никто не может уничтожить кого-нибудь полностью.

Если я до сих пор не упоминал о вóронах и ворóнах, это не значит, что их нет. Они выполняют роль полицейских, обеспечивающих порядок в тундре, уничтожают падалю и выклеивают личинок оводов у оленей.

Я не упомянул здесь о многих птицах, хотя и принадлежавших северному лесу и тундре. Они долго кишели возле Марбу, так что он частенько прихватывал по одной и всюду причинял беспокойство. Когда медведь идет по тундре, воздух в иных местах буквально кипит от множества птиц. Ни одна птица не доверяет большому хищнику. Они просто собираются вместе и обрушиваются на него, хотя и не могут прогнать. Их мужество велико, но медведь все же сильнее.

ХЕЙКА ОХОТИТСЯ НА ВОЛКА

— Теперь я устал, Эрих, и хочу спать, — сказал вдруг Хейка зевая. Он посмотрел на часы и сделал удивленное лицо: — Три часа! С каких пор мы болтаемся по озеру? Если подсчитать время, дорого обойдется нам рыба.

— Давно ты стал считаться со временем? — спросил я смеясь. — Там, где солнце днем и ночью стоит на небе, можно спать в любое время.

— Следовательно, и теперь, потому что я устал.

— После рассказа поспим еще лучше. Как было дальше, Хейка?

Хейка перестал зевать, сдвинул фуражку на затылок и продолжал:

— С Арви Косоненом я договорился поймать Марбу и продать. Я не совсем хорошо чувствовал себя при

мысли об этом, потому что отнимал у него свободу. Его место в конце концов было в тундре, а не в клетке. Но что мне было делать, чтобы сохранить его живым? Арви хотел найти покупателя и навязать его мне на шею. Поэтому я остался на озере, чтобы наблюдать за Марбу, хотя был нужен на мельнице. Не мог же я продать его, не зная где он находится.

— Можно было заманить его к избушке.

— Я даже хотел этого, но не нашел его. Марбу ведь стал взрослым медведем, которого нельзя привязать на веревку и увести. Я хотел сделать это с помощью Тулли, потому что они хорошо понимали друг друга.

— Но Марбу пропал?

— Да, я его больше не видел. Зато обнаружил на другом берегу озера один след, который не мог принадлежать человеку. Как ты знаешь, старый медвежий след очень легко спутать с человеческим.

Однако на этот раз я не заблуждался. Естественно, что моей первой мыслью было: Марбу! Но медведица хромает, ты знаешь. Ее след неровный, поэтому я его и узнаю. Это была она.

Теперь можешь себе представить, что мне не сиделось больше в избушке. Я был с «Дриллингом» в тундре. Два дня обыскивал местность и не мог найти другого следа. Снова и снова приходил к озеру, осматривал следы и поворачивал обратно. Можно было сойти с ума.

Пришел Арви Косонен; он еще не написал письма и хотел знать, выйдет ли у нас дело с Марбу. Я выругался, проклинал обоих медведей и решил идти домой. Хотел бы я посмотреть, как они одного поймают, а другого убьют. Впрочем, какое мне до этого дело? С тех пор как Тулли не стало в избушке, я не знал радости.

— Где же он был? — поинтересовался я.

— Дома, потому что он ведь стал не пригоден для охоты. Не брать же с собой собаку в тундру только ради удовольствия. Но, должен признаться, вскоре я изменил этому правилу и снова взял его с собой, чтобы не быть одному. Пришлось горько раскаяться в этом.

Итак, вместе с Арви я пришел сюда к озеру, совсем не думая об охоте, и очень удивился, увидев стоявшую перед нами собаку. В тундре собаки не редкость; если они теряют оленей стада, то потом долго блуждают,

прежде чем найдут дорогу обратно. Арви глянул мельком на нее. Когда же собака повернулась и хотела бежать, я понял, что это волк, сорвал «Дриллинг» со спины и послал ему вдогонку по ошибке заряд дробь.

Крупную дробь в ногах волк не переносит, поэтому он опрокинулся. Бежать он уже не мог, свернулся в клубок и ждал нас.

«Ты сошел с ума!»,— услышал я рядом голос Арви. Он, вероятно, все еще считал, что это собака. Я всадил бедному животному пулю промеж глаз, чтобы оно быстрее сохло.

— Так ты заработал премию, Хейка?— спросил я.

— Да, но шкура мало на что годилась. Я выдубил ее и положил перед кроватью Сигне.

Хейка отнес шкуру домой, пробыл там некоторое время, а потом отправился снова ловить рыбу. Чтобы не быть одному, он взял с собой Тулли. Собака в глуши может быть хорошим спутником. С ней говорят, она пытается понимать человека, и на нее всегда можно положиться, если она прилично выдрессирована. Хейка больше не думал о медведях, а потому повесил свое ружье на гвоздь; ему было достаточно присутствия собаки.

Они с усердием ловили рыбу, отвозили ее к дороге, снова уходили в глубь леса и продолжали ловить. Так проходили дни за днями, пока вдруг не появился иностранец с поразительно дорогим биноклем.

ИНОСТРАНЕЦ ОХОТИТСЯ

— Конечно, сразу бросается в глаза, если кто-нибудь приходит сюда с биноклем на животе и не понимает ни одного слова,— продолжал Хейка.— Он был высок и силен, носил темно-зеленый грубошерстный костюм и изящный «Дриллинг». Вероятно, он был неплохим человеком.

— Но не по отношению к тебе, Хейка.

— Я простой человек, Эрих, и ты простой, именно поэтому мы другие. Он залопотал и посмотрел на меня удивленно. «Говорите вы по-шведски?» — спросил я его. Говорить он, собственно, не мог, однако понимал кое-что. Ну, хорошо, я принял его, чтобы ему не оставаться под открытым небом. Но что он хотел делать со своим «Дриллингом» в летнее время в этой местности, было для меня сначала загадкой. Стрелять из него форелей он определенно не хотел. Тулли не обращал на него внимания. Хотя он и не рычал на него, но не позволял себя гладить и не шел с ним даже до порога. Вполне возможно, что его беспокоили чужие слова человека.

— Что же ему было нужно? — прервал я Хейку.

— Сперва совсем ничего. «Дриллинг» он повесил на стену, а сам бегал вокруг и присматривался к местности. Больше всего его интересовали птицы. Он зарисовывал их. По вечерам клал мне на стол стопу изрисованных листов. Впрочем, я хорошо с ним уживался. Часто мы сидели у очага, чадили, словно фабричные трубы, нанизывали вяленую оленину на палку и держали на огне. Когда мы жевали ее, то чувствовали себя очень уютно. Ты же знаешь, как это бывает.

Вдруг он положил передо мной разрешение на охоту. Несколькими штрихами он нарисовал на клочке бумаги лося и медведя. Эге! Вот откуда дул ветер! Лося он, конечно, не искал у меня.

Да, думал я, тогда все в порядке. Кто заплатил, должен получить свой товар. В таком случае он должен сам за ним сходить, а это было не так просто. На кого же он хотел охотиться? На Марбу или на медведицу? Этого он, конечно, не мог сказать, потому что не понимал меня. Наших познаний в шведском языке не хватало для того, чтобы различать вещи так точно.

Поначалу он не думал об охоте на медведя. Сколько времени намерен был оставаться, сказать не мог. Кто это знает? Иностранец пожимал плечами. Мне это было безразлично. Я сходил за тачкой, отвез свою рыбу, пришел обратно и нашел все по-прежнему. Он не снимал «Дриллинга» со стены.

— Имел ли он право застрелить летом лося?

— Нет, в том-то и дело. На медведей не бывает запретного времени, но все же в летние месяцы мы остав-

ляем их в покое. Иностранец вначале тоже не думал об охоте на медведей, больше рисовал своих птиц.

— И оставил Марбу в покое.

— Меня тоже, Эрих, потому что, вероятно, мне пришлось бы навести его на медвежий след. Представь себе, мы встречаем медведя и я начинаю ему объяснять, что это мой медведь, которого он не имеет права застрелить. Так же не бывает! Тогда мне пришлось бы огородить лес и объявить зоопарком. Нет, на мою помощь ему нечего было рассчитывать.

Хейка пожал плечами, пришиб одну форель и шлепнул ее на дно, словно хотел этим подкрепить свои слова.

— Этот человек много бродил по свету, Эрих, видел тропическое солнце и охотился на тигров. Когда нам нечего было делать, он показывал свои фотоснимки и пояснял их несколькими ломаными шведскими словами. Если дело касалось охоты, мне объяснения не требовались.

Однажды он захотел испытать меня, указал на летящего сарыча и дал понять, чтобы я его сбил. Этого я, конечно, не мог. Тогда он прикрепил оптический прицел на свой «Дриллинг» и сбил его.

Тут я представил себе вытянутое лицо Хейки и потихоньку выругался. Хейка нашел это правильным и кивнул головой.

— Я тоже выругался,— сказал он.— Иностранец воспринял это как признание и улыбнулся. До чего бы мы дошли, Эрих, если бы каждый попадал и никто больше не давал маху? Тогда очень скоро не осталось бы крупной дичи. Иностранца это, конечно, не касалось. Он не живет, как мы, охотой и рыбной ловлей. Чтобы раз стрельнуть, он должен еще и платить.

Вместо охоты на медведя он занялся ловлей лососей. Их не нужно долго искать. Если повезет, дело пойдет конвейером. Так было и с ним. В первое утро он приволок три крупных экземпляра. «Что нам с ними делать?» — спросил я его, пораженный. Одного он разрезал, чтобы приготовить обед, остальных бросил к наловленным форелям. Делать нечего, пришлось взвалить форелей и лососей на спину и оттащить, чтобы они не испортились. Я и так мог каждый день ходить торговать лососями! «Но этого, конечно, не выдержит и сильнейший ходок по лесу», — пытался я ему объяснить.

«Делай, что хочешь, только предоставь мне свободу действий!», — казалось, хотел он сказать. Деньги за лососей он так или иначе не брал. Мне его лососи были ни к чему, потому что я их сам мог наловить. Чтобы они не пропадали и мне не приходилось бы подолгу путешествовать в деревню, что каждый раз занимало в оба конца два дня, я из пустой бочки соорудил коптильню и коптил рыбу на можжевельнике, отчего она приобретает особенно хороший вкус.

Иностранец рыбачил и рыбачил, так что я чуть не впал в отчаяние. Попав в такую беду, я однажды ночью взял его рыболовное снаряжение, привязал к нему камень и бросил на глубоком месте в озеро. «Где мои рыболовные принадлежности?» — спросил он меня на следующее утро. «Там», — ответил я и показал на озеро. Тогда он засмеялся, похлопал меня по плечу и совсем не рассердился.

Теперь он вспомнил о своем разрешении на охоту. С «Дриллингом» он каждое утро отправлялся в лес, не проронив при этом ни слова. Я не верил в его опытность и посмеивался про себя на такое усердие. Кто охотился в тропиках, не сразу у нас станет хорошим охотником. Местность и образ жизни зверей коренным образом отличаются.

Когда он не нашел ни лося, ни медведя, то оставил «Дриллинг» дома и взял Тулли на поводок. Это меня очень успокоило, потому что Тулли не воспринимал медведя. И так и сяк прикидывал я в голове, как и где мне навести его на лосиные следы и избавиться от него. Может быть, он перебрался бы в другое место и больше не возвратился. Но как раз в это время лосей как ветром сдуло.

«Послушайте, — сказал я ему, когда мы однажды снова сидели у очага и жарили оленину, — через восемь дней я начну работать на лесопилке и уйду отсюда». «Через восемь дней?» — Он немного подумал. Потом ударил себя по колену, подал мне руку и воскликнул: «Ладно, через восемь дней!».

Я, собственно, ожидал другого ответа. Он мог ведь оставаться и вешать ключ на балку, когда уходил. Но нет, он улыбался и тоже хотел уходить.

Я не считаю дни, Эрих, потому что дело не в том, будет днем больше или меньше. Сегодня ночью мы с

тобой тоже не считаем часы. Могло пройти и семь дней. Тут он повеселел, свистел и пел, хлопал меня по плечу и вытащил из кармана маленькую флягу с водкой.

Можно было подумать, что он угробил медведицу.

МЕДВЕДЬ В ТУНДРЕ

И вот опять пришла середина лета. Мошкара густыми роями звенела над болотами, слепни и оводы повсюду подстерегали теплокровных живых существ. Только птицы имели от них покой, потому что их защищало гладкое оперение. Ночью мошкара беспокоила меньше. Тогда животные отдыхали или мирно паслись, в то время как днем они вынуждены были бегать или прятаться, чтобы спастись от насекомых. Все живое ночью отдыхало в тундре.

По небу потянулись темные облака. Уже давно не было дождя, похоже, что приближалась гроза; только на севере, как раз над далекими плоскими холмами проглядывало солнце сквозь просвет в облаке. Ветер с легким свистом прилетал с юго-востока и мчался сквозь заросли карликовых кустарников и ивняка, теплый и сухой, дальше, по тундре.

Не было видно ни одного человека и не слышно ни одного животного, будто вся тундра вымерла. Даже птицы притаились на земле и ждали наступления грозы.

Только в одном месте они поднялись и с криком вились над темным предметом, который зловеще появился вблизи от них. Бурый зверь был там, в кустарнике,— медведь со злобно сверкающими глазами.

Когда он стоял там, а птицы вились над ним, то был похож на камень.

От завешанного тучами неба все закуталось в серую тень, которую не мог сделать светлее и тот дальний луч солнца. Медведь не трогался с места.

Что искал медведь в ночной тундре? Почему он не шел обратно под укрытие леса?

Теперь он повернул голову, опустил ее, обнюхал землю, поднял ее снова и посмотрел вперед. Казалось, он ищет след. Его мощная голова свисала еще ниже, чем обычно.

Медленно поднимал он лапы и шел шаг за шагом, еле заметно прихрамывая, оставляя неровные следы. Это была медведица. У нее не было особой цели, она кого-то искала.

Может быть, она искала Марбу?

Но Марбу больше не было в живых.

Как сильно может все же ошибиться человек. Ведь он должен был убить медведицу! Чужой охотник, что пришел сюда с биноклем на животе, убил Марбу. Это не подвиг, ведь Марбу мог есть из его рук.

Вот медведица снова остановилась, поискала на земле и ничего не нашла. И так уже давно. Она искала Марбу.

Они, конечно, не относились больше друг к другу с прежней нежностью, потому что Марбу ходил теперь своим собственным путем, но все же снова и снова встречались.

Много раз они бродили вместе, купались и немного играли или тузили друг друга, как это водится у медведей. Так искала она много дней, не находя ни малейшего следа.

Медленно шла она вперед. Она не торопилась, не спешила, но ничего и не ела. Даже лемминг не привлекал ее ищущего взгляда.

Совсем близко было озеро. Здесь жили люди. Когда она пересекала человеческие следы, то каждый раз становилась беспокойной и рычала с налитыми кровью глазами.

На этот раз она держалась иначе, потому что искала Марбу, который часто ходил к людям. Временами останавливаясь и обнюхивая воздух, она трусила по направлению к избушке.

Недоверчивая и готовая ко всему, приближалась медведица к человеческому жилью. Она не торопилась, потому что ничто ее не подгоняло. Потом остановилась, устремила взгляд на избушку и не двигалась. Она не намеревалась нападать.

Где же Марбу?

Вдруг она оторопела, попятилась назад и замерла. К ней галопом мчался Тулли. Уверенный, что перед ним Марбу, он прыгал, обезумев от радости, и взвизгивал при этом. В одно мгновение он был возле нее.

Бедный Тулли! Медведица ударила его только один раз. Когда потом еще затрещало несколько костей, собака коротко взвыла и ее страдания кончились.

Большая и сильная стояла медведица, образ самобытной силы прежних дней. Она еще господствовала в тундре! Перед ней трепетали все звери, большие и малые, прыгающие и летающие, от лемминга до лося. Бесшумно пошла она спокойной поступью с сознанием своей силы.

Первые капли дождя упали из стремительных туч. Вскоре они еще сгустились. Молнии сверкали и гром глухо катился над дикой местностью.

Дождь, молния и гром над широкой тундрой!

Уверенно бежала медведица по холмистой земле к лесу, где скрылась в подлеске.

Угу-у! Угу-у! Высоко на ветвях сидела сова, и ночь разносила ее плач.

МЕДВЕДИЦА ПОЯВИЛАСЬ ЕЩЕ ДВА РАЗА

— Вскоре после гибели Тулли она побеспокоила Косоненов,— рассказывал Хейка.— Черт знает, что она там искала. Не думаю, что она долго искала Марбу, потому что звери все быстро забывают, если я их правильно понял. Вблизи Косоненов она появилась определенно с другой целью. Может быть, она хотела повторить удачное вторжение? По-моему, от нее можно ожидать такую наглость.

— Была у Арви Косонена вторая корова? — спросил я.

— Он приобрел себе вторую, потому что поселенец без коровы не может жить хорошо. Арви поехал на почтовой автомашине в город, так что Лиза оставалась одна с детьми дома, что в конце концов не имеет большого значения. Важен тот факт, что к вечеру был замечен медведь, который стоял на опушке леса и смотрел на хлев.

— Хлев укрепили лучше после первого вторжения?

— Конечно, Арви сделал его лучше, но ведь медведь может забраться через крышу, если ему не удастся проломить дверь или стену.

— Как же он выберется обратно с добычей?

— О, медведь с этим справится, Эрих, и выберется обратно через крышу. У Лизы были все основания сильно тревожиться. Какая женщина пойдет на медведя? Лиза сняла ружье со стены, зарядила его и выстрелила, чтобы поугатать зверя.

После этого медведя больше не видели.

Арви никогда не был хорошим охотником, не умеет читать следы и принимает медвежьи следы за отпечаток обуви, которую носят саами. Поэтому не было установлено, что приходила медведица. Я же думаю, что в этом нельзя сомневаться.

— Арви не ходил по ее следу?

— Прошел немного, но его не интересует крупная дичь. Если только он не бывает вынужден, он не охотится с пулями. Вряд ли приятно стоять против свирепой медведицы, не зная, как и куда всадить ей пулю. В таких случаях зверь может оказаться расторопнее охотника. Арви Косонен хорошо делает, что довольствуется зайцами и белыми куропатками.

— Чтобы предоставить вам отстрел более ценной крупной дичи?

— Мне и белые куропатки вполне подходят, а за медведицей я бегал только после того, как она убила Равдолу. Даже смерть Тулли я ей прощаю.

— А когда видели ее еще раз?

Хейка засмеялся, осмотрел крючок удочки и снова закинул ее.

— Это веселая история, которая, правда, могла кончиться плохо. После того как все проходит благополучно, мы смеемся, вспоминая об этом. Харри Ильдстром — землемер. Он со своими людьми измеряет землю вдоль и поперек, и его можно встретить там и сям, впрочем, он славный малый. Иногда он похож на разбойника, потому что подолгу бывает в тундре, отчего внешне не становится привлекательным. Встретить его и его помощников кому-нибудь из чужих людей — удовольствие сомнительное. Но ты знаешь, как редко у нас бывают чужие люди. Итак, Харри был одиноким человеком, но всегда веселым и в хорошем настроении.

Он живет со своими людьми как охотник, редко ставит палатку и довольствуется кровом из жердей и веток с листьями, по которым скатывается дождь. Если сделать это правильно, едва ли намокнешь. Иногда они

поселяются в маленьких охотничьих избушках, которые кое-где стоят в тундре, построенные неизвестными людьми и рассчитанные на всех. Так проводят они все лето, отмеряют треугольники и устанавливают шесты. Зимой они сидят в конторе и возятся с цифрами. В этом я ничего не понимаю, Эрих.

Соблюдает ли Харри сроки охоты, не могу сказать. Эти четверо едва ли будут голодать, если у них выйдет продовольствие, а всюду в кустах полно дичи. Жизнь, которую они ведут временами, тяжела уже тем, что они не видят людей.

Однажды Харри вернулся в лагерь усталый и голодный. Подумай только, они производили измерения с вершин гор и постоянно должны были подниматься на горы и спускаться с них. Если к этому прибавить еще десять километров ходьбы по болоту, где почва пружинит, как матрац, вода заливается за голенища сапог и ужасно донимает мошкара, тогда ты можешь себе представить, как они бывают рады своему лагерю. Там стоит всего-навсего косой навес, но и это все-таки уют.

Итак, они шли, ничего не говоря, крались по мягкой почве, словно воры ночью, шли к тому же против ветра и уже видели перед собой лагерь. Но вскоре у всех четверых поднялись волосы дыбом, потому что в лагере стояла, озираясь, медведица! Боже праведный, хромая медведица!

Харри рассказывал о ней своим людям, поэтому они порядочно перепугались. Один из них имел ружье, но сейчас оно было бесполезно, потому что лежало в рюкзаке, куда только что совала свой нос медведица.

Усталости у всех четверых как не бывало. Некоторое время они стояли в нерешительности и смотрели на медведицу. Что им делать? Поднять шум, вихрем ринуться из кустарника или влезть на деревья? Пожалуй, лезть на деревья не имело смысла, потому что ей могло прийти в голову ползть следом. Пока они решили отойти и посоветоваться.

К счастью, медведица очень осторожно обращалась с вещами. Как после выяснилось, причиненный ею ущерб был незначителен. Хотя у нее было достаточно времени, чтобы совершенно опустошить лагерь, она удовлетворилась осмотром нескольких рюкзаков.

Но время шло и никто не знал, какая блажь найдет на зверя. Харри был за самую настоящую атаку с ножами и кулаками. Трое других не были охотниками, но ни в коем случае не были и трусами. Если живешь месяцами в тундре, то должен свыкаться с опасностями, должен действовать решительно и не бояться зверей. Один предложил отойти назад с полкилометра, громко запеть и засвистеть и таким образом, приближаясь к лагерю, прогнать медведицу. Сначала его высмеяли, но в конце концов обдумали этот план, признали его хорошим и решили попробовать, тем более, что это не грозило никому опасностью.

Итак, они тихонько отошли обратно, запели вдали песню, орали до хрипоты и действительно обратили медведицу в бегство. Когда они подошли к лагерю, ее уже и след простыл.

— И они отделались лишь небольшим испугом,— добавил я, когда Хейка замолчал и принялся снова набивать трубку.

— Веришь или нет, Эрих,— рассказывал Хейка дальше,— один карапуз, которому едва исполнилось тринадцать лет, стоял однажды у ручья и черпал воду. Он бросил кофейником в неожиданно появившуюся медведицу, позади которой видны были медвежата, и обратил ее в бегство. Очень редко случается, что медведь нападает на человека.

— Потому что они предпочитают животных, которых легче и безопаснее добывать. Человек приносит им лишь опасность. А кто бы не хотел избегать опасности?

— Ты прав, Эрих,— а лемминги как раз безопасны. Леммингов они поедают с удовольствием, если год благоприятный и их много.

СТОЙ! ЛЕММИНГИ!

Количество леммингов зависит от того, какой выдался год. Бывают такие годы, когда их прямо-таки нужно искать.

Мы бродили целыми днями, не находя ни одного, высматривали их целое лето и лишь случайно обнаруживали где-нибудь. В такой год перестаешь верить в их массовые сказочные нашествия.

Кому, собственно, дело до этих леммингов? Разумному человеку едва ли. Я видел одного, который усердно преследовал их, чтобы сажать в спирт и продавать школам. Один лемминг почти за марку! Если бы мы занялись таким делом, то стали бы сказочно богатыми. Но тому человеку действительно приходилось много поработать ногами, чтобы за день поймать двух леммингов.

В одной деревне в Норвегии мы стояли на улице, когда между нашими ботинками раздался отчаянный писк и две мыши напали одна на другую. Ребята начали топтать их ногами и раздавили двух леммингов.

Тогда мы были поражены дерзостью этих маленьких созданий, однако позже уже ничему не удивлялись. Они бегали ночью у нас по лицу, и даже днем мы извлекали их из карманов брюк. Лемминги могут быть доверчивы, как белые мыши.

Кто их не знает, считает мышами и брезгает ими, а кто с ними жил, потешался над ними от души. Они совсем не такие, как мыши.

Они красивые, крупнее мыши и более приземистые. Я не измерял, но полагаю, что их длина не превышает двенадцати-пятнадцати сантиметров. мех несколько взъерошен, не так гладок, как у мыши, с очень красивыми полосками. Основная окраска желто-коричневая, живот и лапки светло-желтые. По размерам, окраске и взъерошенности меха они, как мне удалось наблюдать, различны.

Впервые я увидел леммингов еще молодым человеком в Норвегии в Хардангерской видде¹, где они хотели пойти на меня в атаку. Я невольно испугался, потому что они свирепо свистели и кусались. Потом я их встречал в Норвегии всюду, как на самых высоких горах, так и в тундре.

Они не пугливы, но нападают на животных крупнее себя, только если их вынуждают, потому что сами питаются исключительно растениями. Вероятно, они предпочитают древесные почки, листья и ягоды. Так как они не делают запасов на зиму, то всю зиму ищут себе корм под снегом. Мы часто находили в снегу их ходы, они прокапывают также и почву и в камнях имеют свои лазейки.

¹ Тундра.— *Прим. перев.*

Старые наблюдатели рассказывают о склонности к нападению этих маленьких потешных зверьков: как они на всякий случай защищают свои сооружения и при этом бесцеремонно нападают на животных и людей. Я сам наблюдал подобное, но такие случаи бывают не всегда и не везде, вероятно, это зависит от наличия у них детенышей.

На маленьком островке Абискосуола я и жена жили неделями, причем лемминги составляли нам не всегда приятное общество. Они были всюду. Входили в палатку и выходили, когда им хотелось, и мы не смели ее закрывать, иначе бы они прогрызли в ней дыру. Когда мы открывали какой-нибудь сосуд, то оттуда непременно выскакивал лемминг, и если я случайно опускал руку в карман брюк, там тоже оказывался лемминг. Выбрасывать их не имело никакого смысла. Мы уживались с ними, потому что они были неотъемлемой частью острова.

Но как раз на этом острове, где их тогда было множество, они ни разу не совершили нападения. Даже загнанные в тупик, они не думали защищаться. Мы находили там у них много отклонений в величине, окраске и взъерошенности меха; некоторые из них выглядели, если не принимать во внимание короткий хвостик, как мыши.

Почти полное исчезновение леммингов, а временами массовое распространение, вероятно, сильно зависит от погоды. Точно так же количество белых куропаток и зайцев значительно сокращается в результате неблагоприятной погоды в весеннее время. В хорошую погоду лемминги ужасно быстро размножаются, потому что в течение года они несколько раз выводят детенышей.

Суровые зимы, оттепели и затяжные дожди могут повлечь гибель леммингов в некоторых местностях.

Много раз писали о сказочных странствиях этих зверьков, но люди редко наблюдали их сами, так что в этих рассказах даже можно усомниться. Если верить этим рассказам, бесчисленные полчища леммингов из какой-нибудь местности вдруг двигаются в путь, переваливают через горы и долины, пока не достигают воды, которую пытаются переплыть, и погибают в ней

самым жалким образом. Через ручей они якобы даже прокладывают мосты, причем большинство из них тонет, а остальные тем не менее продолжают странствие.

Причину кочевков видят в недостатке корма. Когда мы производили киносъемки на Хардангерском Йокелене¹ и целыми днями ходили по глетчеру, то находили массу мертвых леммингов. Многие тысячи их лежали в маленьких углублениях, образовавшихся в результате таяния льда, причем бросалось в глаза, что все они лежали головами в одну сторону — в направлении ближайшей земли. Однако на другой стороне глетчера, откуда они должны были прийти, их не было видно. Снегопады и обвалы могли стереть их следы. Но было совершенно ясно, что они прошли по льду.

Появление леммингов в массовых количествах — настоящий праздник для хищных зверей. Медведи, лисы, росомахи, куницы, горностаи, волки и многие другие месяцами питаются только ими. Хищные птицы тоже охотятся на них и всегда сыты. Орлам нужно много пищи, а лемминги бегают прямо-таки вокруг построенного ими в камнях гнезда. Сычи и совы сидят лениво на деревьях, потому что корм у них тут же, стоит лишь слететь с дерева.

Как всякая вещь имеет две стороны, так и появление леммингов и хорошо и плохо. Так как вместе с ними появляются обычно пушные звери всех видов, то охотник радуется щедрому леммингами году. Когда же лемминги в результате неблагоприятной зимы погибают, хищные звери обращаются к оленьим стадам, становятся для них бедствием и к тому же уничтожают уйму зайце-беляков и белых куропаток. В результате польза от леммингов сильно уменьшается от последующего вреда.

Когда лемминг, такой маленький, становится против меня, свистит, ворчит или даже кусается, я не убиваю его ударом ноги, а спокойно прохожу мимо и даже уважаю этого малыша, который в далекой тундре имеет существенное значение для животных и человека.

¹ Название глетчера. — *Прим. перев.*

И ВОТ НОЧЬ КОНЧИЛАСЬ!

— Теперь я, правда, устал и гребу домой,— сказал Хейка, вытягивая леску, хотя на крючке ничего не висело.— Который час, Эрих? Шесть часов? Благоразумные люди встанут в это время.

— Прилежные люди отправляются ночью ловить рыбу, Хейка.

— Чтобы наловить такую кучу форелей, мне не нужно всю ночь шлепать себя по ушам, отгоняя комаров. Сетью я наловлю их мигом.

— Мы не ловим сетью. Зачем ты, собственно, пришел сюда с лесопилки? Должно быть, не затем, чтобы спать. В этой бессонной ночи виноват Марбу.

Некоторое время мы оба гребли, потом я опустил весло и спросил:

— Ты окончишь рассказ или продолжишь его сегодня вечером?

Хейка обернулся, тоже оперся на весло и ответил:

— Рассказ окончен, потому что Марбу мертв.

— Но медведица жива, Хейка. Собственно, рассказ должен бы продолжаться

— Побегай за ней и сфотографируй конец на киноплентку,— ответил он ворчливо.

Нет, теперь с Хейкой каши не сварить. Я сам почувствовал большую усталость и захотел вдруг спать. Какое мне было еще дело до медведицы? Как я узнал из рассказа, она не годилась для киносъемки. Она, пожалуй, разбила бы кинокамеру.

Молча мы втащили лодку на берег. Но нельзя сразу пойти в избушку и лечь на шкуры, ведь нужно еще вынуть рыбу, чтобы она не испортилась. Это дало возможность комарам покусать нас еще полчаса.

Но после этого мы спали, как сурки, и не думали о еде. Солнце перекочевало к югу, скрылось за стеной облаков и было где-то на юго-западе, когда мы встали и подумали о завтраке из рыбы.

Хейка вдруг заторопился. Хотя уже упали первые капли дождя, он хотел идти на озеро и поставить сети.

— Завтра придет за рыбой Микко, муж моей дочери,— сказал он.— Его двуколка должна быть полна, чтобы поездка оправдала себя.

— Могу я тебе помочь? — спросил я.

— Спасибо, я не имел этого в виду. Однако, если тебе это доставляет удовольствие, можешь пойти наловить лососей. Удочку, леску и крючок можешь взять у меня.

Я, конечно, согласился. Но на что была похожа рыболовная снасть Хейки?! Это была жердь, иначе «удочку» никак нельзя было назвать; он, должно быть, сражался ею с волками, она имела как раз такой вид. Леска была подходящей, но блесна никуда не годилась. И этим я должен был ловить лососей?

Со смешанным чувством, предвидя неудачу, без плаща и только в высоко натянутых сапогах я вышел на дождь. «Святой Петр!»,— воскликнул я, скаля зубы, но Хейка не понял, потому что Петра он искал в библии, а не при ловле рыбы.

Я прошел добрый час, прежде чем достиг ниже озера широкого и глубокого ручья. В некоторых местах он был похож на речку. Идя вдоль него, я добрался до холмистой местности, поросшей кустарником, и приблизился к тому месту, где ручей бежал по крутому склону. Здесь я должен был попытать свое счастье. Что искали лососи выше склона, не знаю; можно было попробовать и внизу, как советовал мне Хейка.

Чтобы не промокнуть, я остановился посередине, встал около кипящих водоворотов под невысокой скалистой стеной и чертовски радовался возможности не слушаться добрых советов опытного местного жителя. Ба, может быть, я новичок здесь? По моему кожаному жилету было видно, что он пять лет прожил в безлюдье.

Это прескверно, стоять одному во время дождя под стеной и смотреть на воду. Как часто я был в одиночестве! Растения, звери, камни, песни, саги, старая утварь чужих людей, чужие языки и чужие мелодии заполнили все мое существование. А потом эти проклятые лососи, которые не шли на блесну! В этом все же был виноват Хейка; он один с его противной снастью.

Здесь река была добрых двадцать метров ширины, течение сильное, везде виднелись большие камни и водовороты, с которыми шутки плохи, если опрокинешься с лодкой. Я плавал и не по таким рекам, справился бы и с этой. Нужна лишь длинная речная лодка, какими пользуются местные жители, или разборная байдарка, на которой мне приходилось кое-куда плавать.

Сюда еще не заплывала ни одна лодка.

Поплавок я почти не видел, потому что он подолгу пропадал в водоворотах, и течение бессовестно тащило леску. Куда же девались лососи? Кроме шума буйной воды, я не различал других звуков. Кустарник со своими березками, ивами и можжевельником переходил здесь в тайгу, где водилось много зверей. И Марбу и медведица тоже бывали здесь, возможно, охотились в этом месте или ловили рыбу. Кто знает?..

Медведица, впрочем, еще была жива и могла быть поблизости. Может быть, она даже наблюдала за мной злыми глазами! Странно, но на меня еще нигде в тундре не нападал страх перед зверями. Я не могу себе представить, что смогу пойти на медведя с ножом, не с большей охотой согласился бы стукнуть его по голове топором. Совершенно спокойно я ложился вечером под дерево, костер догорал, и я спал так же крепко, как дома в теплой постели.

Так же и под той стеной я не чувствовал страха. Я даже хотел, чтобы медведица пришла, тогда смог бы увидеть ее сам.

И действительно, напротив меня зашевелились ветки! Что-то темное стояло в кустах. Оно было большое и к тому же темно-бурое. Хотя еще нельзя было ничего разглядеть, я все же не думал, что это медведица; в этих лесах так много больших зверей.

Вдруг два толстых ветвистых сука появились над ивой. Я улыбнулся, кивнул и безмолвно приветствовал старого знакомого, обитателя глуши — нашего оленя. Боязливо озираясь, он вышел из кустов в сопровождении теленка, еще светло-коричневого, носившего высокие белые чулки. Говоря о чулках, мы, конечно, подразумеваем ноги. Оба подошли к воде и стали пить медленными глотками. Это была такая красивая картина, что я забыл про блесну и лососей. Многие тысячи оленей видел я за свою жизнь, ездил на кротких, ленивых, злых и диких, сам имел нескольких и все же эта картина пленяет меня снова и снова. В олене я узнал частицу суровой, неумолимой природы, которая, несмотря на лед и снег, полна прелести.

Скоро я снова стоял у воды, следил за поплавком и искал блесну. О лососях я больше не думал. Для чего, собственно, мне нужно держать эту жердь в руках?

Укрепив ее между двух камней, я набрал дров и березовой коры, развел костер и подержал над огнем кусок вяленого мяса. Так я чувствовал себя совсем уютно, потому что дождь сюда не попадал.

Но где же нужно ловить рыбу? Вверху или внизу стремнины? Хейка должен был знать. Это зависело, вероятно, от времени года.

Итак, я зашагал под дождем вниз, добрался до спокойной воды и забросил блесну. Проклятые комары кусались здесь злее, чем под стеной, они жужжали вокруг меня плотными облаками.

Кто не бывал на Севере, тот ничего не знает о комарах. Описывать этот бич не имеет смысла, каждый сочтет преувеличением. Я до некоторой степени привык к ним и не обращал внимания, если они не облепляли кожу слишком плотно. Хотя дегтярное масло помогает, взятая с собой бутылочка всегда оказывается пустой. Какой толк тогда в промасленном воротничке рубашки, от которого даже после стирки еще пахнет дегтем? Комары привыкают к нему. Эй! Только что передо мной промелькнула серебристая спина. Я смотрю в оба, не шевелюсь и еле дышу. Там вторая серебристая спина! Лососи плывут совершенно спокойно.

Теперь начинается игра в терпение, которая известна лишь рыбакам. Если бы дело касалось дрянной форели, я бы давно выбросил всю эту снасть, здесь же речь идет о самой большой из этих рыб, о громадном лососе, достигающем обычно больше метра длины.

Обе рыбы, казалось, совсем не видели блесну. Они живо проскакивали мимо нее и хотели, видно, подняться вверх по быстрине. Чтобы не ждать следующих, я потянул блесну перед их пастью. Одна коснулась ее, другая не обращала никакого внимания. Так повторялось несколько раз и было похоже на веселую игру в кошки-мышки. Я совсем больше не думал о ловле, хотел лишь их подразнить и основательно перепугался, когда леску очень сильно рвануло, блесна исчезла, и лосось устремился прочь.

Я не спортсмен-рыболов, не имею понятия о правильном спортивном ужении и, с точки зрения настоящего рыболова, кажусь совершенным профаном. Это все равно, что здешнего охотника заставить изучать пра-

вила стрельбы по мишеням и руководствоваться ими. Я уверен, что он не попадет больше ни в одного зайца. Мы не думаем ни о каких правилах стрельбы, просто стреляем — и попадаем. Точно так же обстоит и с рыбной ловлей. Мы ловили массу рыбы, только не по спортивным правилам. Впрочем, я хотел бы посмотреть как спортсмен-рыболов справился бы с рыболовными принадлежностями Хейки. У меня жердь чуть не вырвало из рук. Она не гнулась, леску заело, а ролика на ней вообще не было.

Несмотря на это, мне удалось завести лосося в одну мелкую бухточку и подтянуть к берегу. Конечно, при этом я весь промок и перепачкался, потому что поединок длился почти полчаса. Но это ничего не значит, потому что сырость мне никогда не была страшна. Зато я был доволен, что поймал такого лосося. Прodeв палку под жабры, я взвалил его на спину и отправился домой. Хейка не удивился, не похвалил меня и воспринял как нечто само собой разумеющееся, что человек пришел с лососем. Если бы я ничего не принес, он тоже не удивился бы. В подобных случаях человек Хейкиного склада не проронит ни слова.

ТЕПЕРЬ НЕЧЕГО БОЛЬШЕ РАССКАЗЫВАТЬ

На следующее утро прибыл Микко, зять Хейки, хороший парень и дельный поселенец. Он приехал за рыбой на двуколке. На плечах у него была желтая накидка, потому что еще шел дождь, под ней синяя куртка и на ногах высокие финские сапоги. Его лошадь была среднего роста, обыкновенный деревенский конь, не требующий большого ухода.

— Что нового? — спросили мы после первых коротких приветствий.

— Затяжной дождь, — отрезал он.

Неужели дождь действительно затянется на недели? Это меня не устраивало, потому что в плохую погоду я предпочитал искать убежище в доме, чтобы обрабатывать собранный материал.

Хейка вынимал сети. Я был вместе с ним и медленно греб, в то время как Хейка бросал в лодку сети и рыбу. Рыбы набралось множество, преимущественно

форели, которая главным образом и интересовала его.

— Не принести ли нам жертву? — подтрунивал я над Хейкой.

— Сегодня нет, Эрих, потому что погода для нас не опасна, — ответил он смеясь.

— Мы можем перевернуться, подплывая к берегу.

— Не по моей вине. Но если это для тебя важно и ты хочешь заснять на кинопленку, давай пожертвуем твоего лосося.

С этим я не был согласен, а потому жертвоприношение не состоялось.

Несмотря на это, мы возвратились благополучно, хотя и изрядно промокли.

— Пойдем с Микко домой? — спросил Хейка, высказывая вместе с тем и мои мысли. — Как только станет лучше, мы сможем вновь отправиться в тундры, чтобы тебе начать киносъемки.

Хейка был добрейшим человеком, отказавшимся от работы и заработка, чтобы помочь мне. От меня он получал немного, потому что не хотел ничего брать.

Как только чужой человек перестает быть чужим среди этих людей, он может получить от них все. Даже для научной работы находится у них полное понимание, и многие ученые уже пользовались их бескорыстной и дельной помощью. Лишь изредка случалось, что они видели во мне иностранца и за все требовали двойную цену; тогда даже за хлеб и сливочное масло я должен был платить дороже. Когда мы в жестокую стужу ездили на оленях и вынуждены были ночевать в разных местах, часто люди почти с обидой отказывались от платы, а на государственных постоянных дворах за ужин, ночлег и завтрак мы платили в переводе на немецкие деньги всего около одной марки. Мы считались проезжими местными жителями. С мотоциклом дело выглядело иначе. Тарахтящий на мотоцикле турист приносит доход. Но и в этом случае цены не были чрезмерно высокими.

Микко тоже видел во мне друга, с которого нельзя драть шкуру. Поездка с ним мне ничего не стоила и так как он узнал от Хейки о цели моей поездки, то решил вместе со мной сходить к одному настоящему охот-

нику на медведей, у которого я смогу фотографировать этих зверей на киноплёнку, как кошек дома. Ему доставляло удовольствие предпринять со мной небольшую прогулку.

Вечером мы заперли избушку, натянули повыше голенища сапог и пошли следом за лошадьёю, которая и без вожжей находила дорогу домой.

У „СТАРОГО“ МЕДВЕЖАТНИКА

Чтобы пройти немного лесом, нам не нужна была солнечная погода. Микко даже был рад дождю, потому что во время дождя он все равно не мог работать в поле и из-за «маленькой прогулки» не терял времени. Хейка не хотел идти с нами. Мы простились с ним коротко и сердечно, как принято у северян.

— Прощай, Хейка, и спасибо за компанию!

— Счастливого пути, Эрих, спасибо за то же самое! Мы разошлись не оглядываясь.

Сначала ехали на почтовой автомашине. Иногда на этой машине едут только для того, чтобы навестить соседа, потому что это все-таки двадцать километров. Здесь почтовая машина — исключительно удобное и дешёвое средство сообщения. Мы проехали восемьдесят километров.

Если в Германии проедешь восемьдесят километров, то минуешь несколько городов и много деревень, в то время как здесь попадаете лишь несколько поселков, в которых от двух до десяти домов, а иногда просто две или три избушки. Когда поселенец говорит, что его сосед болен, то он имеет в виду человека, живущего от него в пятидесяти километрах. За покупками нам с женой приходилось бегать за шестьдесят километров, что составляет сто двадцать километров туда и обратно. Мы считали это вполне нормальным.

— Где живет этот старый медвежатник? — спросил я Микко.

— Совсем недалеко, — ответил он, — должно быть, километров восемьдесят на автобусе и километров сорок в лес.

Да, это было не особенно далеко.

Мы шли налегке и несли лишь один рюкзак, оставив все остальное в доме Микко. Так было идти чудес-

но, тем более что Микко был внимателен ко мне — медленно ходящему «городскому человеку». По его подсчетам мы проходили «всего лишь» по шести километров в час. Я не постеснялся объявить этот шаг достаточно быстрым.

— Скажи-ка, Микко, как это ты так быстро бегаешь? — спросил я, в то время как мы шли по лесу и выбирали места, где лес был реже.

— Так, — ответил он и помчался.

— Я совсем не хотел это видеть! — крикнул я вдогонку. — Как это тебе удастся, хочу я знать. — Но он не мог мне объяснить, потому что такая способность у него была врожденной. Сто раз я принимался изучать движения ног местных ходоков и всегда безрезультатно.

Дождь стихал, но воздух между деревьями был сырой и холодный. Лесная почва, напоенная водой, местами заросла мхом и была мягка, как бархат. В это время потемнело — так бывает в дождливые дни, несмотря на разгар лета. Сова прилетела, шурша в вершинах деревьев, уселась на сук и так протяжно завопила, что стало жутко, а другие птицы смолкли. Сова — владицица своей округи, ее крик нагоняет трепет на всю мелкую дичь. Свет ее не беспокоит, потому что среди лета она не может ждать темных ночей.

— Тебе уже прихотилось охотиться на медведей? — спросил я Микко, усердно шагая и время от времени отмахиваясь от комаров.

— С дробовиком? Лучшего нет у меня. Нет, они мне не попадают.

Этот Микко не любит многословия, его фразы были кратки, но метки. Он был так занят своей работой, что не находил времени для разговоров. Впрочем, с кем ему было разговаривать, когда он один работал в поле или мастерил сарай?

— Тогда ты и медведицу тоже не видел?

— Ее-то уж, конечно, нет.

— А Марбу?

— Того один раз, но только совсем маленького.

— Когда он был еще малыш и бегал за матерью?

— Нет, просто с большого расстояния. Лошадь у меня тогда понесла.

— О, а ты за ней!

— Впереди же было нельзя.

Микко посмотрел на меня и ухмыльнулся.

Мне очень хотелось узнать, как вел себя Марбу при приближении лошади, но я побоялся второй осечки и решил прекратить разговор.

Микко не возражал.

Когда мы через некоторое время остановились на отдых, развели костер и сварили кофе, над нами свисали длинные темные лишайники. Я посмотрел вверх, подперев рукой подбородок, и сказал:

— Знаешь, Микко, я решил переучиваться.

— Гм? — буркнул он вопросительно.

— Я заброшу свою профессию и займусь изготовлением лезвий для безопасных бритв.

— Почему? — спросил он кратко.

— Посмотри-ка наверх, сколько там бород!

Сначала он не понял, потом смеялся от души, смеялся так, что у него выступили слезы из глаз. После он всюду рассказывал о моей шутке.

Этим суровым парням можно позавидовать. В них много ребячьего. Они просты и бесхитростны, молчат иногда часами и принимают шутку за чистую монету или находят смешное там, где мы не могли бы засмеяться при всем желании. Я нахожу этих людей великолепными.

После того как мы пробежали тридцать километров, я спросил имя охотника на медведей. Вихерлуото была его фамилия, а имя Каарло. По-шведски он якобы не понимал. Я представил себе древнего бородатого старика со спутанными кудрявыми волосами и дубленой кожей, который весь век прожил в поросшей травой торфяной лачуге и стрелял все подряд, чтобы прожить как можно дешевле. Несмотря на многолетнюю жизнь в глуши, мне еще не приходилось видеть настоящего медвежатника.

С нетерпением ожидал я встречи. А она состоялась быстрее, чем я предполагал. Неожиданно впереди залаяла собака и послышался голос, успокаивающий ее. Вслед за тем перед нами появился высокий, статный мужчина, чисто выбритое лицо которого плохо гармонировало с суровой окружающей обстановкой. На нем были финские сапоги с подвернутыми голенищами, длинные брюки, потертый кожаный жилет и широкополая шляпа.

— Привет, Каарло! — крикнул Микко издалека.

— Привет вам обоим! — возвратилось к нам.

Мы поздоровались и коротко представились. Он слышал обо мне и обращался ко мне по-шведски. Я нашел его чрезвычайно любезным.

— Что привело вас в эту забытую богом местность? — осведомился он, когда мы более медленно, чем прежде, шли по лесу. Я сказал, что хотел навестить его. Он обрадовался, потому что к нему редко кто приходил, и, конечно, произнес в ответ: «Добро пожаловать!».

Этот Каарло — я тоже должен был его звать так — был совсем не оторванный от мира поселенец, а инженер, который из-за болезни легких искал лесного уединения, чтобы поправить здоровье.

— Здесь я действительно выздоравливаю, никого не подвергаю опасности заразиться, приношу к тому же пользу охотой, не нуждаюсь в пособии ни для себя, ни для семьи. Разве я выгляжу больным? Через два года я снова буду строить под землей.

— Ваша семья живет в городе?

— Конечно. Что им здесь делать? Этот лес ни к чему женщине с детьми школьного возраста.

Он жил в бревенчатой избушке с медвежьей шкурой, растянutoй на передней стене, мехом внутрь. Когда я удивился размеру когтей, он подвел меня к задней стене, где сушилась вторая шкура. Здесь я увидел еще большие когти.

— Вы, вероятно, стреляете медведей как по конвейеру? — спросил я пораженный.

— О нет, лишь изредка, — ответил он смеясь. — Теперь их не так уж много, чтобы я мог стрелять их длительное время.

После того как мы поели, уселись к камельку и закурили, я попросил его рассказать об охоте. Он не знал, о чем говорить.

Нет, действительной опасности он еще ни разу не подвергался, утверждал он. «Только один раз я попал неудачно, после этого получилась осечка и пришлось взяться за топор. Но тогда мне стало очень жалко зверя».

Это было все — и на доме висят две медвежьих шкуры!

— Нет ли поблизости еще медведя? — осведомился я.

— Этого нельзя знать точно, однако я думаю, что нет. Медведь пуглив и избегает мест, где его преследуют. В ближайших окрестностях я не рассчитываю на медведей.

— Слышали вы что-нибудь о Марбу и медведице, что бродили вокруг Хейкиной избушки?

— Конечно, я знаю об этом. С Марбу получилась такая беда, но Хейка убьет медведицу

— Вы уступаете ему?

— Собственно, каждый обязан предоставить ее ему, потому что он был привязан к Марбу. Я не убью ее ни в коем случае.

Мы провели очень приятный вечер у Каарло, сидели до поздней ночи у очага, пили домашнее пиво и ели копченую медвежатину. Мне пришлось рассказывать о своей жизни, которая показалась ему необычайной и даже полной приключений. Как быстро изменяются понятия! Мне его жизнь казалась полной приключений, а он считал ее чертовски прозаичной.

Его избушка стояла, конечно, у озера, так что бесконечный лес не действовал угнетающе. Широкая водная гладь ослабляла темноту и приносила много света в этот уединенный уголок. Жизнь в лесу без озера и без тундры я не могу себе представить. Прежде всего ни один человек не продержится там долго из-за комаров. Каарло подобрал себе исключительно удобное место. Он построил избушку на вдающемся в озеро мысу, где из-за постоянного легкого ветерка меньше досаждали комары и был хороший обзор через озеро.

Когда мы на следующий день расставались с ним, он втиснул нам в руки большой кусок копченой медвежатины и просил как можно быстрее приходить опять.

— Но не позже чем через два года, — добавил он улыбаясь, — или потом в Хельсинки!

— Всего хорошего, Каарло!

После этого мы снова сидели в автобусе, тряслись по бесконечной дороге и подпрыгивали на сиденьях.

— Прощай, Микко!

— Спасибо за прогулку, Эрих!

Мы расстались хорошими друзьями.

И вот все они остались позади: Хейка, Микко и Каарло, жены поселенцев и их дети. Моя жизнь склады-

вается из постоянных приездов и отъездов, встреч и расставаний. Другой жизни я не знал.

В-то время когда автобус мчал меня на север, я достал карту и стал искать дорогу на запад, чтобы побывать в другом месте, где жили саами, песен которых я еще не знал. Там меня опять ждала тундры, такая же жизнь, такие же люди, такие же звери. Лишь бы не было таких же проклятых комаров! Но тогда бы не было ржанок, певчих птиц и многих других пернатых друзей, которые только из-за них прилетают в тундру. Стало быть, и комары незаменимые гости великой тундры.

Время в глуши проходит быстро. Каждый занимается своим делом: обрабатывает землю, отвоевывает у суровой природы ее сокровища, добывает металлы, охотится и ловит рыбу, оттесняет своими руками Субарктику и Арктику, и поселки возникают там, где прежде была глушь. Время не стоит неподвижно!

Однажды я получил письмо, обрадовался ему и вскрыл. Написано оно было тяжелым, неуклюжим, но твердым почерком.

Да, теперь в хлеву у Микко стояла еще одна — вторая корова, опять родился мальчик и все дела шли хорошо.

Медведица снова появилась. А Хейка? Нет, его уже больше не было.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эрих Вустманн — известный немецкий путешественник, этнограф и писатель. Он родился в 1907 году в Нидер-Зедлице близ Дрездена. С юных лет Эрих увлекся изучением жизни охотников-оленьеводов и многие годы прожил на севере Скандинавского полуострова. Позднее он занялся изучением Южной Америки, побывал в Бразилии, Боливии и Перу, а в 1958 году вновь выехал туда, чтобы осуществить экспедицию к индийским племенам, живущим на Амазонке и в тропических лесах штата Мату-Гросу.

Вустманном написано около тридцати научно-популярных книг. Одни из них посвящены описанию тропической природы и жизни индейцев в лесах Южной Америки («Дальний путь в тропическое пекло», «Индеец Грас с Красной горы»), другие дают яркие картины жизни Крайнего Севера («Птичий рай», «1000 миль на северных оленях», «Где лед провел границу»). К этому циклу работ относится и переведенная на русский язык повесть «Марбу».

Марбу — медвежонок, историю которого рассказывает автору охотник Хейка. Как специалисту-этнографу Вустманну особенно удалось типы охотников и северных поселенцев. Хорошо показано простодушие и гостеприимство этих людей, свойственные вообще всем народам Севера, их выносливость, невозмутимость и неосознанная отвага. Спокойная, эпическая речь Хейки как нельзя лучше передает типичные черты северного охотника, а вместе с тем и весь характерный уклад жизни среди суровой северной природы.

В рассказ Хейки от имени автора вставлены небольшие очерки о природе и животном мире тундры. Тот, кто бывал на Крайнем Севере, знает широту и необъятность северных просторов, сказочность освещения незаходящего летнего солнца, чистоту и прозрачность воздуха, быстрый бег оленей по плотному снегу зимой, тот невольно подпадает под обаяние описаний Вустманна. Он глубоко прав, когда в очерке о северных оленях пишет: «Кто видел как они (олени) тянутся по бесконечным снежным пустыням или падут под полуночным солнцем, того будет всегда и всегда тянуть к ним, потому что часы эти незабываемы».

Несколько слабее описания других животных тундры. Вустманн не раз повторяет общую фразу, что «в тундре встречается много птиц, от воробья до лебедя». «Воробей» здесь употребляется как сборное название мелкой птицы вообще, но было бы лучше, если бы автор конкретно упомянул о лапландском подорожнике, который вместе с золотистой ржанкой в некоторых местах создает действительное представление об обилии птиц. Точно так же нельзя говорить о «мышках», в то время как речь может идти только о леммингах (северных пеструшках).

Вустманн не делает четкого разделения между тайгой и тундрой. Описываемые события происходят в северной тайге, но обычно автор называет ее также тундрой, тундури или просто глушью.

Перечисляя птиц, автор приводит названия как таежных, так и тундровых видов, но далеко не самых обычных и характерных. Несколько упрощенно звучит фраза, что обилие птиц в тундре связано с обилием комаров. Это верно только для некоторых видов птиц. Вустманн не зоолог, поэтому в его описания животных перешли некоторые ошибки и преувеличения, заимствованные из рассказов охотников, с которыми автору приходилось общаться. Так, например, явно преувеличена агрессивность орланов-белохвостов. «Ни один зверь не чувствует себя перед ними в безопасности. Эти опаснейшие хищники очень смелы», — пишет Вустманн. В действительности даже у гнезда с птенцами орланы, как правило, не нападают на человека. То же следует сказать и про характеристику, данную росомaxe («чудовище» «убийца» и т. п.).

Вместе с тем, поведение основных персонажей рассказа Хейки — хромой медведицы и медвежонка Марбу описано правдиво и точно.

Э. Вустманн хороший мастер слова, сложные явления жизни природы показаны им в простой и увлекательной форме. Повесть «Марбу» безусловно найдет широкий круг читателей, ее с удовольствием прочтет и школьник и ученый исследователь, которых вместе с автором объединяет живой интерес и любовь к природе.

В. И. Осмоловская

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
В тайге и тундре	5
Угольщик Равдола	10
Марбу, медвежонок	12
Появляется медведица	14
Побег Марбу от матери	15
Тундра живет	18
Медвежонка выставляют вон	20
Из детства Марбу	21
Встреча Марбу со старой женщиной	24
Хейка рассказывает дальше	26
Марбу и орлы	29
Как Марбу попал в сеть	32
Беглый взгляд кругом	35
Бегство Хейки от медведицы	39
Волки тундры	43
Первая охота Марбу	47
В доме поселенца Косонена	50
Что Хейка добавил	53
Осень в тундуре	54
Бегство от охотников	59
Медведи залегают в берлогу	61
Кое-что об охоте на медведей	63
Зима в тундуре	67
У детей глуши	69
Олени тундры	73
Хейка рыбачил в любое время	75
В половодье	77
Марбу тоже раскрыл глаза	79

	<i>Стр.</i>
Конец угольщика Равдолы	81
Охота на медведей	84
Всюду птицы	88
Хейка охотится на волка	92
Иностранец охотится	95
Медведь в тундре	99
Медведица появилась еще два раза	101
Стой! Лемминги!	104
И вот ночь кончилась!	108
Теперь нечего больше рассказывать	113
У „старого“ медвежатника	115
Послесловие	121

Эрих Вустмани
МАРБУ

Редактор *Т. Н. Щербиновская*
Младший редактор *Г. П. Зоркина*
Художественный редактор *Е. А. Радкевич*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректор *С. С. Фролова*

Т-11739. Сдано в производство 27/VII 59 г. Подписано в печать
17/X 1959 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печатных листов 4. Условных
листов 6,56. Издательских листов 6,41.
Тираж 150 000. Цена 1 р. 95 к. Заказ № 3454.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ГЕОГРАФИЗА О ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ГЕОГРАФАХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКАХ

Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. 1953 г., 136 стр., цена 2 р. 50 к.

Научно-популярная книга об одном из крупнейших русских географов XVIII в. П. И. Рычкова. В ней рассказывается о жизни П. И. Рычкова, о его классической работе „Топография Оренбургская“ и других его географических трудах.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Петров И. И. За Гималаями (русские путешественники в Индии). 1958 г., 207 стр., цена 4 р. 70 к.

Автор собрал и систематизировал богатый фактический материал, используя малоизвестные публикации, которые можно рассматривать как первоисточники. Живая занимательная форма очерков знакомит читателя с вкладом русских путешественников в исследование Индии, с прекрасной природой Индии, ее культурой, древними архитектурными памятниками, населением, в результате у читателя создается достаточно полное представление об этой замечательной стране.

Книга написана хорошим литературным языком. Богато иллюстрирована.

Рассчитана на массового читателя.

Петухов А. Ф. А. А. Борзов. 1951 г., 164 стр., цена 3 р. 40 к.

Краткий обзор жизни и деятельности известного советского ученого А. А. Борзова, составленный на основе изучения его работ и многих документов.

В первом разделе дается краткий биографический очерк; во втором — характеристика деятельности Борзова как педагога средней школы; в третьем — его работа в высшей школе; в четвертом — освещается деятельность Борзова как географ-исследователя; в пятом — его работа как библиографа и редактора журнала „Землеведение“; в шестом показывается Борзов как общественный деятель.

Книга написана просто, доступна широкому кругу читателей.

Серия „Замечательные географы и путешественники“

Популярные издания о замечательных географах-путешественниках, русских и иностранных, о их жизни и приключениях.

Антонов А. Е. Ф. Р. Литке. 1955 г., 40 стр., цена 60 коп.

Забелин И. Чокан Валиханов. 1958 г., 51 стр., цена 80 коп.

Карпов Г. В. Д. Н. Анучин. 1954 г., 39 стр., цена 60 коп.

Лебедева Н. А. и Лебедев Н. К. Элизе Реклю. 1956 г., 39 стр., цена 60 коп.

Магидович И. П. Христофор Колумб. 1956 г., 35 стр., цена 55 коп.

Трешников А. Ф., Пасецкий В. М. Соломон Андрэ. 1957 г., 46 стр., цена 70 коп.

Свет Я. М. Фернандо Магеллан. 1956 г., 37 стр., цена 60 коп.

*Эти книги требуют в магазинах книготорга.
При отсутствии книг в местных магазинах
заказ можно направить по адресу:*

Москва, Ж-109, 2-я Фрезерная, дом 14
Ассортиментный отдел Центральной оптовой базы.

**Книги будут высланы наложенным платежом
отделом „Книга — почтой“**

1 р. 95 к.

ГЕОГРАФИЗ